

П. В. СЕДОВ

**Закат Московского царства.
Царский двор конца XVII века**

<Фрагмент>

ДВОР В КОНЦЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

1. Россия после тяжелой войны

В 1667 г. завершилась тринадцатилетняя война с Речью Посполитой. Это была единственная война XVII в., которая не закончилась для Московского государства поражением, хотя на заключительном ее этапе русские войска пережили несколько военных катастроф. Глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин разослал статьи Андрусовского перемирия ко дворам европейских государей — так впервые Московское государство поставило западных соседей в известность о своем мирном договоре, надолго определившем политическую карту Восточной Европы. Основу Андрусовского перемирия составил военно-политический союз с Речью Посполитой против Османской империи. Именно это направление московской внешней политики стало основанием для постепенного вовлечения России во внешнеполитические комбинации европейских стран в конце XVII в.

Присоединение Левобережной Украины, а также Киева, имело двойные последствия для судеб российского самодержавия. Во-первых, государь «всея Руси» принял титул «всея Великия и Малыя и Белья России самодержец». Это была претензия на обладание всеми русскими землями, в том числе и теми, которые находились в составе соседней Речи Посполитой. Во-вторых, из украинских земель в Москву хлынула киевская православная ученость, а с нею при московском дворе утвердились и элементы культуры Нового времени. Так в стене, отделявшей Московское царство от Запада, была пробита непоправимая брешь. Новшества из-за рубежа подрывали основы традиционного уклада московской жизни.

Война изменила также облик дворянского ополчения — традиционной опоры московских государей. Его большая часть была переведена на положение полков так называемого иноземного строя. Тысячи дворян и детей боярских, в основном тех, кто был не в состоянии служить

на свои средства, записывали в рейтары и драгуны. Это вело к понижению их социального статуса и вызывало недовольство. Содержание полков «иноземного строя» и стотысячной стрелецкой пехоты тяжелым бременем легло на государственные финансы.

Для ведения активной внешней политики московские власти остро нуждались в увеличении доходов. В том же 1667 г. по инициативе А. Л. Ордина-Нащокина был составлен Новоторговый устав, отразивший черты новой финансовой политики государства — меркантилизма и протекционизма. Новоторговый устав стал заметной вехой не только в истории финансов XVII в., но и в положении привилегированной части московского купечества, получившего наибольшие выгоды от новой государственной политики.

Насаждение на русской почве иноземного военного и финансового опыта не меняло коренных устоев Московского царства. Финансы России были бесконечно далеки от бурного развития денежного хозяйства и банковского дела передовых стран Европы. Точно так же полки «иноземного строя» были лишь новым побегом на старом дереве поместной системы и существенно уступали армиям западных соседей.

Военные и финансовые проблемы государства выявились при подавлении восстания под предводительством Степана Разина. В 1667–1669 гг. состоялся поход разинцев на Каспий «за зипунами», а в 1670–1671 гг. казачье движение выплеснулось на Волгу, где приобрело черты социального протеста. Стрельцы не получали причитавшегося им жалования и переходили на сторону повстанцев. Ненадежность стрелецкого войска ставила под сомнение устойчивость всей системы государственной власти. На заключительном этапе восстания к нему присоединились тысячи крепостных крестьян. В 1660-х гг. власти старались наладить обезличенный сыск беглых, что вело к складыванию реального крепостнического режима, провозглашенного Соборным Уложением 1649 г. Крестьянское движение грозило подорвать саму основу крепостнического государства.

Раскол русской православной церкви существенно ослабил всю государственную систему. Подданные воспринимали изменение церковного обряда как изменение самой веры, и церковная смута лишала власть необходимого нравственного авторитета. Церковный собор 1666/67 г. предал анафеме всех, кто придерживался старого обряда, т. е. большую часть населения страны.

С конца 1660-х гг. заметно увеличивается численность и структура московских чинов — ближайшей социальной опоры самодержавной власти и одновременно важнейшего инструмента управления страной. Московские чины пополняются сотнями и тысячами дворян, большинство из которых было призвано нести придворную

службу. Государев двор сохранял свое значение ближайшей и самой надежной опоры трона. На рубеже 1660–1670-х гг. страна вступила в полосу перемен, вызванных необходимостью укрепления финансов, армии, институтов власти и управления, а также насаждения новой государственной идеологии.

2. Царь выбирает жену

Царский брак был одним из важнейших событий в жизни московского двора, за которым неизбежно следовали перемены в ближайшем царском окружении. Видимо, поэтому Г. Котошихин в начале своего сочинения о Московском государстве вслед за кратким вступлением о принятии царского титула Иваном Грозным и последующем утверждении новой династии Романовых поместил подробное описание обряда свадьбы Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской*.

Алексей Михайлович был глубоко привязан к своей первой жене и искренне горевал о ее кончине 3 марта 1669 г. После смерти супруги он написал в ее память новую редакцию Сказания об Успении Богородицы¹ и сочинил новый распев религиозного гимна. Вслед за одним горем в царскую семью пришло другое: 14 июня умер шестилетний царевич Симеон. Все лето 1669 г. при дворе соблюдали траур**.

Через несколько месяцев после кончины супруги Алексей Михайлович увлекся другой женщиной. Это единственный случай за первые три царствования XVII в., когда до нас дошли сведения об интимных отношениях царя вне брака. Об этой истории известно, в сущности, немного. В начале XVIII в. Петр I называл сенатора Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина своим «братом». Поэтому его считают внебрачным сыном царя Алексея от Ирины Михайловны Мусиной-Пушкиной, урожденной Еропкиной***. Действительно, положение И. А. Мусина-Пушкина при московском дворе было ис-

* Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 14–22.

** В июне 1669 г. иверский стряпчий сообщал в монастырь, что ныне «государю свету нашему отнюдь бить челом нельзя и на выходе никто не смеет подавать челобитен, потому что время кручинное» (Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 1443. Л. 95).

*** Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. I. С. 111. Примеч. 29. Тайная связь царя с Ириной Мусиной-Пушкиной была известна при дворе, и Б. И. Куракин собирался написать о ней в своей «Истории». В перечне глав после сюжета «О Матвееве, первом министре» следуют главки «О матери Пушкина» и «О других амурных интригах» (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. I. С. 80; ср. с. 96).

ключительным*, что косвенно подтверждает его родство с царем. Год рождения И. А. Мусина-Пушкина (1671 г.) не противоречит предположению об интимных отношениях царя Алексея Михайловича и Ирины Мусиной-Пушкиной в 1670 г., как раз после смерти первой супруги и до второго брака.

Через восемь месяцев после смерти Марии Ильиничны царь Алексей приступил к выбору новой царицы. До настоящего времени самым подробным описанием выбора им второй жены остается очерк И. Е. Забелина**. Новые источники позволяют уточнить обстоятельства этого события. Наибольшее значение среди них имеют неизвестный фрагмент следственного дела о подметных письмах во дворце и донесения нидерландского посланника Николая Гейнса из Москвы.

Смотрины царской невесты проходили с 28 ноября 1669 г. по 17 апреля 1670 г. Они были омрачены тяжелой болезнью наследника престола. Н. Гейне писал на родину 11 января 1670 г.: «Так как продолжительная болезнь старшего сына царского — царевича Алексея Алексеевича со дня на день увеличивается, то, может быть, в непродолжительном времени она будет иметь прискорбное окончание. Его царское величество сильно горюет, и намерение его вступить в брак, вероятно по сей причине, все откладывается. До сих пор наверное нельзя узнать, на кого особенно может пасть выбор царя***. Свидетельство Гейнса об откладывании брака следует, очевидно, понимать как перерыв в смотринах. Как видно из списка представленных царю девиц, после 3 января следующие смотрины состоялись только 1 февраля. Алексей Алексеевич умер 17 января 1670 г., не дожив до 16-летнего возраста. В сообщении на родину о смерти наследника престола Н. Гейне утверждал, что

* 25 декабря 1676 г. пятилетний И. А. Мусин-Пушкин был пожалован в стольники, определен в число привилегированных походных стольников и назначен ездить сначала в зимних, а с 12 июня 1677 г. и в более почетных летних стольниках. 10 ноября 1678 г. патриарх благословил образом И. А. Мусина-Пушкина «на новоселье», 4 мая 1679 г., когда мальчик приходил к патриарху «с именинным пирогом» от матери, — еще одним образом. 1 сентября 1682 г. (в одиннадцать лет!) И. А. Мусин-Пушкин стал окольным, 9 сентября 1698 г. — боярином, в 1711 г. — сенатором. И. А. Мусин-Пушкин участвовал в придворных церемониях наряду с членами царской семьи: 15 марта 1685 г. — вместе с царицей Марфой Апраксиной на диспуте А. Х. Белобоцкого с братьями Лихудами², причем назван «племянником» патриарха Иоакима (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 268 об., 500; № 16. Л. 40 об., 285; № 17. Л. 44; № 21. Л. 37; № 22. Л. 7; № 58. Л. 2; Московский ст. Стб. 503. Л. 56; Материалы для истории. Стб. 1000, 1001; Цветаев Д. Памятники к истории протестанства в России. М., 1888. Ч. I. С. 241; ДР. Т. IV. Стб. 1085–1086).

** Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц. С. 252–258.

*** Архив СПбИИ. Кол. 40. Оп. 1. № 97. Л. 193.

«продолжительную болезнь его старались утаивать. Несмотря на это я за 10 или 11 недель уже из весьма хорошего источника узнал, что истощительная болезнь сия считалась неизлечимою»*. Следовательно, за месяц до начала смотрин за пределами дворца уже знали об опасной болезни Алексея Алексеевича. Оставшиеся два царских сына — восьмилетний Федор и трехлетний Иван были весьма хилого здоровья. Вслед за царицей Марией смерть уносила одного царевича за другим и грозила оставить новую династию без наследника. Выбор царем новой супруги становился делом государственной необходимости.

Каждый из влиятельных придворных рекомендовал царю свою кандидатуру будущей царицы. Обращает на себя внимание активное участие стрелецких командиров в выборе царской невесты. Из росписи государевых невест видно, что в первый же день из шести смотренных царем девиц трое жили на дворах голов московских стрельцов: дочь В. Векентьева Каптелина — у головы Ивана Жидовинова, Анна Кобылина — у головы Ивана Мещеринова, Марфа Апрелева — у головы Юрия Лутохина. Последний превзошел всех других придворных и представил царю даже двух невест: 5 апреля 1670 г. царь смотрел дочь Никиты Овцына Анну из Новгорода, которая в Москве также жила на дворе Ю. П. Лутохина**.

Кончина Алексея Алексеевича вызвала лишь краткий перерыв в выборе царицы. Кажется, царь спешил обзавестись новой супругой: он возобновил смотрины, даже не дождавшись сорочин по старшему сыне. 1 февраля перед царские очи были представлены очередные четыре кандидатки, в том числе дочь думного дворянина Замятии Федоровича Леонтьева — Авдотья и дочь стрелецкого головы Кирилла Полуектовича Нарышкина — Наталья. Наталья Нарышкина воспитывалась в доме царского любимца стрелецкого головы Артемона Сергеевича Матвеева*** и по матери была также

* Там же. Л. 197.

** Пекарский П. П. Список девиц³. Стб. 469, 471.

*** П. Бушкович подверг сомнению свидетельство сына А. С. Матвеева Андрея о том, что Наталья Кирилловна была воспитанницей А. С. Матвеева и жила в его доме до царских смотрин. Хрестоматийный факт покровительства Наталье со стороны А. С. Матвеева П. Бушкович рассматривает как романтическую басню (*Bushkovich Paul. Peter The Great. The struggle for Power, 1671–1721. Cambridge, 2001. P. 58–60*). Однако свидетельство Андрея Матвеева находит документальное подтверждение. 19 марта 1671 г., через два месяца после того, как Наталья Кирилловна стала царицей, из дворца были пожалованы сукна ее «бывшему духовнику» «церкви Николы чудотворца, что у столпа попу, Алексею Яковлеву» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 324. Л. 116). Этот храм стоял рядом с двором А. С. Матвеева, который был его прихожанином. Следовательно, по приезде в Москву Наталья действительно поселилась в доме А. С. Матвеева.

из рода Леонтьевых. Поначалу Артемон Матвеев не спешил представить свою воспитанницу царю. После смерти царевича Алексея настало время действовать более решительно.

На заключительных смотринах 17 апреля вологодский дворянин Иван Шихарев* привел во дворец свою племянницу Авдотью Беляеву. Включение ее в список невест, проходивших весьма тщательный отбор, состоялось в самый последний момент. Не исключено, что появление новой невесты было связано с тем, что царь уже склонялся к определенному решению, и придворные стремились повлиять на его окончательный выбор. Из представленных невест были отобраны несколько, и им был устроен еще один смотр 18 апреля.

В царских смотринах наступил решающий момент. Рано утром 22 апреля во дворце были обнаружены подметные письма: в сенях перед Грановитой палатой и на дверях Шатерных сеней. Письма были доставлены дворецкому Б. М. Хитрово, и тот объявил их царю.

Подозрение в составлении подметных писем пало на И. Шихарева, чья племянница была последней в списке царских невест. На следствии тот признался, что просил доктора Стефана фон Гадена посоветовать его племяннице при предварительном осмотре девушек. Шихарев повстречал доктора на Тверской улице «и говорил ему, что взята де Вверх племянница его для выбору и возили де ее на двор к боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, и боярин де смотрел у ней рук и сказал, что руки худы. А смотришь де ты их, дохтур Стефан; а племянница де его человек беззаступной, и как де станешь смотреть рук и ты де вспомоги»; «и она де перстом за руку придавит, потому ее и узнаешь»**. В этом эпизоде видна большая роль дворецкого Б. М. Хитрово в подборе царских невест. Он мог не допустить любую из них до царских глаз, и Авдотье Беляевой он явно не сочувствовал.

Из неизвестной ранее части следственного дела узнаем, что И. Шихарев пользовался покровительством некоторых придворных. На Светлой неделе (4–11 апреля) к нему на двор приезжал человек боярина кн. Алексея Андреевича Голицына, а сам И. Шихарев зачистил в эти дни на дворы московской знати: стольников И. Ф. Волынского, кн. С. И. Татеева, окольного Ф. В. Бутурлина и спальника⁴ И. В. Бутурлина. Когда безвестный дворянин привез свою

* Во время царских смотрин И. Г. Шихарев находился в Москве: 5 января 1670 г. М. Н. Арманов выдал ему данную на 50 руб., составленную на Ивановской площади. Деньги причитались И. Г. Шихареву с И. П. Хлуденева зато, что последний не выдал замуж за М. П. Арманова свою племянницу Арину (Архив СПбИИ. Кол. 13. Оп. 1. № 119).

** *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царич. С. 255.

племянницу из Вологды, придворная знать была готова оказывать ему услуги: портные мастера окольничего Ф. В. Бутурлина шили И. Шихареву охабень*⁵. Логично предположить, что названные царедворцы поддерживали кандидатуру Авдотьи Беляевой.

Главная интрига состояла в царском выборе между Натальей Нарышкиной и Авдотьей Беляевой. Шихарев везде рассказывал: «...племянница его в Вверх взята, а Нарышкина сведена». Он-то и был заподозрен в составлении подметных писем и взят к пытке: «Было ему 13 ударов и огнем жжен». Шихарев решительно отрицал возведенные на него обвинения: «...подметных писем не писывал и никому писать не велывал и не подметывал». 24 апреля начался розыск о почерках, которыми были написаны письма.

Пытки и допросы ни в чем не повинных людей вызвали у дворян чувство недовольства. Петр Кокорев заявил во дворце: «...лучше б они девиц своих в воду пересажали⁶, нежели их в Верх к смотру привозили»**⁶. За эти неосторожные слова П. Кокорев был пытан с целью узнать, не подучил ли кто-то его так говорить.

Позднее, в 1680/81 г., А. С. Матвеев писал в челобитной царю Федору Алексеевичу, что вся интрига с подметным письмом была направлена против него: «...от ненавидящих и завидящих при отце же твоём государе не много не пострадал: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули в грановитых сенях и в проходных и хотели учинить Божьей воле и отца твоего государева намерению и к супружеству второму браку препону, а написали в письме коренья»***⁷.

Текст подметного письма не дошел до нас; известны лишь его фрагменты, по которым брали затем образцы почерков для выявления автора: «Достойно поднести царю или ближнему человеку, несмотря»; «рад бы и сам объявил и у нево писма вынул и к иным великим делам»; «Артемошка»; «избави мя, Господи, от человека лукава и от мужа неправедна избави мя»****⁸.

В описи дел Тайного приказа сразу после сыскного дела «про воровские подметные письма и распросные речи Ивана Шихарева» 24 апреля 1670 г. следует другое: «Сыск про траву черемицу 178-го году боярина князя Алексея Андреевича Голицына людей Емельки Клементьева, Гараски Грекова, что он Гараска давал ему

* РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 299. Ч. 1. Л. 20, 42.

** Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. С. 255–257.

*** История о невинном заточении⁹. С. 162–163.

**** РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 299. Ч. 1. Л. 29; Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. С. 308.

Емельке ту траву, а велел сыпать во шти и давать людям есть»^{*}. На следствии И. Шихарев признался в том, что в апреле же к нему на двор ездил человек А. А. Голицына. Возможно, сыск о кореньях на дворе кн. А. А. Голицына был прямым продолжением дела о подметных письмах, а сам кн. А. А. Голицын был одним из тех, кто стоял за всей интригой с Шихаревым и его племянницей Авдотьей.

Однако вряд ли соперничество в связи с царским браком ограничивалось только борьбой против невесты, представленной А. С. Матвеевым. В дни избрания царицы каждый придворный клан добивался своих целей. Неизвестный ранее фрагмент следственного дела о подметных письмах содержит указание на такое соперничество. Около 17 апреля человек окольного Ивана Богдановича Милославского М. Архипов говорил дьякону церкви Николая чудотворца, «что в Китае в углу»⁸: «...великий государь пожаловал велел окольного Ивана) Богдановича взять к Москве, а чают де для того, что ему быть во дворце боярина и оружейничего на Богданово место Матвеевича Хитрово, а на него де боярина и оружейничего челобитье от дворцовых крестьян». М. Архипов говорил также и такие слова: «жалует» царь Б. М. Хитрово, «а как бы де указал великий государь повлеку з головы у него снять, и в то б де время и государева милость была к нам такова»^{**}. В данном случае в доме окольного И. Б. Милославского главным противником их господина при дворе называли вовсе не А. С. Матвеева, а Б. М. Хитрово. М. Архипов говорил о придворном характере царской милости к Б. М. Хитрово, о таком же придворном счастье он мечтал и для своего господина.

Дело о подметных письмах долго будоражило царский дворец. В письме 21 (31) июня 1670 г. Н. Гейне сообщал: «По делу о пасквилях, распространенных при дворе сем 3 месяца тому назад, недавно преданы были пытке несколько лиц женского пола, но без успеха для открытия сочинителей пасквелей сих. В прошедшее воскресенье снова начали сильно говорить, будто Е. Ц. В.¹⁰ намеревался в тот же день тихо женитца: молва сия после того продолжалась несколько дней, а брак сей доселе не совершен»^{***}.

Указание Н. Гейнса на пытки женщин наводит на мысль, что подозрения пали на кого-то из женской половины дворца, т. е. из хором царевен. Это находит подтверждение в следующем письме Н. Гейнса от 18 (28) июля 1670 г.: «Наконец удалось старшей сестре Е. И. В., которая имеет сильное влияние на него, расстроить брак, в который

^{*} Дела Тайного приказа. Кн. I. Стб. 875.

^{**} РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 564. Л. 1–3.

^{***} Архив СПбИИ. Кол. 40. Оп. I. № 96. Л. 91.

государь сей решился было вступить с известною девицею, соединенною узами родства с некоторыми из главных любимцев двора сего. Причина сего расторжения та, будто девица сия имела связь с каким-то польским дворянином в то время, когда родитель ее был воеводою на польской границе. Я полагаю, что девица сия та же самая, по чьей милости многие люди преданы были несколько времени тому назад пытке, из тех которые не пережили казни. Неизвестно еще, совершенно ли царь намерен оставить мысль о женитьбе, так как ему не советовали некоторые лица»*. В донесении Н. Гейнса мало точных сведений. Он не называет имени невесты, хотя нетрудно догадаться, что речь идет о Наталье Кирилловне, чей отец служил стрелецким полковником в Смоленске. Определенно Н. Гейне узнал лишь то, что старшая сестра царя Ирина Михайловна пыталась расстроить брак**.

Весьма интересна дальнейшая судьба И. Шихарева. В 1675 г. он упомянут стряпчим боярина кн. Я. Н. Одоевского***. Т. е. после пыток его отпустили, и через пять лет он стал доверенным человеком кн. Якова Никитича. Этот факт позволяет предполагать противостояние А. С. Матвеева и кн. Я. Н. Одоевского, коль скоро последний не только держал на своем дворе заклятого врага А. С. Матвеева, но даже сделал его своим доверенным человеком.

Дальнейшая судьба Авдотьи Беляевой неизвестна, но она вряд ли была блестящей: немилости со стороны царской четы было достаточно, чтобы погубить будущность девушки. 1 февраля 1680 г. все тот же Иван Григорьев сын Шихарев составил рядную запись о сговоре своей племянницы Елены замуж за подьячего Поместного приказа Ф. А. Яковлева. Племянница Елена, очевидно, была родной сестрой Авдотьи: в рядной она названа дочерью Ивана Степанова сына Беляева. Не сумев выдать одну племянницу за царя, Иван Шихарев выдал другую за подьячего****.

* Там же. Л. 94–95; текст оригинала см.: *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 62.*

** Можно отмстить как совпадение следующий факт: подметные письма были обнаружены во дворце 22 апреля — в день рождения Ирины Михайловны. Впрочем, трудно положительно утверждать, что здесь есть прямая связь. Немаловажно и то, что Авдотья Беляева жила в Москве в кремлевском Вознесенском монастыре, находившемся под покровительством царевен (Пекарский И. П. Список девиц. С. 471).

*** Материалы для истории. Стб. 995. Жихаревы (они же Шихарсвы) были «хлебояжцами» бояр кн. Одоевских. В 1662 г. представитель Кирилло-Белозерского монастыря сообщил из Москвы своим властям, что бояре кн. Н. И. и Я. Н. Одоевские «посылали на Вологду человека своего Семена Жихорева» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 3. № 901. Л. 1).

**** Архив СПбИИ. Кол. 169. Оп. 1. № 237.

Частично сохранилось еще одно следственное дело о подметных письмах 1670 г. Московский кузнец Василий Полстовалов донес, что служка Иосифо-Волоколамского монастыря Василий Иванов и холоп А. С. Матвеева Кирилл написали на монастырском подворье подметное письмо с целью расстроить брак царя с Натальей Кирилловной, поскольку она «ево, Кирюшку, бранит». Будто бы при свидетелях Кирилл говорил: «У Артемона девица, которую возят в Верх, Кириллова дочь Нарышкина», и ей «за великим государем в супружестве не бывать». О боярине Б. М. Хитрово Кирилл добавил, что и ему «в Верху не бывать же». Кузнеца, служку и холопа допрашивали перед самим царем и при боярах в Столовой палате. Поначалу оговоренные все отрицали, но затем на очной ставке холоп Кирилл заявил, что не помнит, писал ли письмо с В. Ивановым, «потому что они с Васкою в го время были пьяни». В конце следствия Кирилл признал, что написал письмо и подкинул его во дворце, «и в том перед великим государем виноват»*.

Итак, Алексей Михайлович не поверил подметному письму и остановил свой выбор на Наталье Кирилловне. Рассказ о царском выборе находим у Якова Рейтенфельса¹¹, находившегося в те дни в Москве. Этот рассказ основан, видимо, на слухах, которыми была полна Москва, о предстоящем царском браке. По словам Я. Рейтенфельса, смотрины невест проходили в доме А. С. Матвеева. Детали этого свидетельства вызывают сомнения: доподлинно известно, что смотрины были «вверху». Впрочем, записанные Я. Рейтенфельсом слухи содержат ряд фактов, поддающихся проверке. Он пишет, что каждая из невест «вернулась домой, богато одаренная и значительно прибавив себе цены от такого знаменитого сватовства, оне еще могли быть уверены, что выйдут со временем за более знатных, а тех, которых царь удостоил своего внимания, многие вельможи наперерыв друг перед другом просят себе в жены»**. Действительно, уже 9 ноября 1670 г. одна из царских невест Марья Ильинична Поливанова получила из казны на приданое 10 аршин камки***. Сам факт царского внимания к любой из девушек придавал им больше чести в глазах придворных.

Подтверждается свидетельство Я. Рейтенфельса о том, что свадьба прошла «в присутствии лишь немногих близких лиц <...> лишь

* РГАДА. Ф. 6. № 5. Л. 1–6. Дело впервые обнаружено А. Рустемайер (Rustemeyer Angela. Verratundengehörige. Beobachtungen aus politischen prozessen des 17. Jahrhunderts // Von Moskau nach St. Petersburg. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. P. 263–264).

** Рейтенфельс Я. Сказания. С. 295.

*** РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 324. Л 35 об.

самые знатные лица в течение нескольких дней были великолепно угощаемы пышными пирами, а Кремль все время был закрыт со всех сторон»*. В расходной книге Казенного приказа записано, что 26 января 1671 г., через четыре дня после свадьбы, были выданы деньги 10 стрельцам, «которым взяты с короулу делать терлики¹² ко государской радости <...> на иглы да наперстки <...> потому что город был заперт, и никакова человека не пропускали»**. Меры предосторожности были настолько строгими, что в дни свадьбы в Кремль не пускали даже дворцовых портных и по необходимости сажали шить одежду караульных стрельцов.

Видимо, поэтому церемония поздравления царя подданными по случаю брака была назначена только на 29 января. Состоялась она еще позже — 7 февраля, когда царю подносили дары церковные власти, бояре «и всяких чинов люди». По словам стряпчего вологодского архиепископа, Алексей Михайлович сам принимал подношения, но брал только иконы, а дорогие ткани, меха и прочие ценные вещи милостиво возвращал назад. Зная об этом заранее, допущенные к поздравлению занимали свои подарки где-нибудь в рядах или у знакомых под небольшой процент («на мятве»). Так, вологодскому стряпчему аренда подарков обошлась всего в четыре рубля — такова была цена участия его владыки в этом дворцовом спектакле***.

Первое место в свадебной церемонии занимали бояре кн. Одоевские. Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский сидел на свадьбе «в отцово место», а «в материно место» — его жена. Их сын — боярин кн. Я. Н. Одоевский был на свадьбе первым дружкой царя, жена кн. Я. Н. Одоевского — свахой; внук кн. Н. И. Одоевского — стольник кн. Ю. М. Одоевский возглавлял список поезжан. Обычай сохранял за лидирующей в Думе боярской семьей почетное положение на государевой свадьбе, но выбор новой царицы был подсказан не знатными боярами, а доверенным полковником дворцовой стражи.

А. С. Матвеев, устроивший царский брак, занимал на свадьбе невысокую, но ответственную должность: под началом боярина кн. И. А. Воротынского он был «у сенника», т. е. отвечал за устройство брачной постели****. Свое придворное счастье Матвеев, как тогда говорили, нашел «в кике» — свадебном уборе царицы.

* Рейтенфельс Я. Сказания. С. 295.

** РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 115. Л. 78 об.

*** ГАВО. Ф. 1260. № 1839. Л. 34, 37; № 1973. Л. 1, 9.

**** ДР. Т. III. Стб. 872–877.

3. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина

Придворная победа А. С. Матвеева предопределила отставку его главного соперника по вопросам внешней политики — боярина А. Л. Ордина-Нащокина. Талантливый дипломат и образованный человек, Афанасий Лаврентьевич последовательно отстаивал взгляды, которые не разделяли ни большинство бояр, ни сам царь. А. Л. Ордин-Нащокин выступал за мир с Речью Посполитой даже ценой уступки Киева. Его главной целью был выход на Балтику, а для возвращения захваченных шведами земель Речь Посполитая была нужна как союзница. Выгоды балтийской торговли были тогда малопонятны царю, боярам и верхам купечества. Алексей Михайлович мечтал о сохранении Киева и ни за что не уступил бы приобретений в своем титуле: «и Малыя и Белья Росии». Купечество и большинство думцев были связаны с торговлей через Архангельск и не желали менять налаженных торговых связей. Московские чины с жадностью взирали на плодородные и малонаселенные земли на юге страны. Удержание, дальнейшее присоединение и освоение «Дикого поля» и Украины значило для них куда больше, чем неясные выгоды балтийского мореплавания. Сильный шведский флот казался здесь неодолимой преградой для самостоятельной торговли. Мир со Швецией и дальнейшее давление на Речь Посполитую — вот общее желание тех, кто влиял на формирование внешнеполитического курса.

А. Л. Ордин-Нащокин отличался независимым нравом, и неудивительно, что у него было много недоброжелателей. Знатные бояре презирали Афанасия Лаврентьевича за его худородство, правда, царь обнадеживал своего любимца, «что сильным выдан николи не будет». Не ладил с ним и «шепчущий любимец» Б. М. Хитрово. А. С. Матвеев интриговал против А. Л. Ордина-Нащокина в украинском вопросе. «Ненавидим от стороны», «думным людям никому не надобен я», «я ненавидимый в палате», — без конца жаловался А. Л. Ордин-Нащокин царю, — «омерзел» всем приказам, особенно Посольскому, по вине которого «обруган на весь свет», и т. д. Конфликт «канцлера» со своими подчиненными довершал общее недовольство А. Л. Ординым-Нащокиным. По его словам, дьяки Посольского приказа «не видят стези правды, и сердце их одебело завистью».

Одной из причин этой ненависти было глубокое убеждение «канцлера» в том, что Посольский приказ должен ведать делами лишь внешней политики. «И думные дьяки великих государ-

ственных дел с кружечными делами не мешали бы», — считал он. Такая позиция противоречила московской традиции: приказные не получали из казны достаточного жалованья и кормились «от дел», в частности в Посольском приказе — от сбора доходов с кабаков, специально переданных ему «для кормления»*. В этом вопросе «канцлер» был тверд и не считался ни с традицией, ни с авторитетами**. По возвращении с очередного посольского съезда в Андрусове (1669–1670 гг.) А. Л. Ордин-Нащокин добился удаления из Посольского приказа своих «мздоимательных» подчиненных: сначала дьяка Е. Юрьева, а затем и думного дьяка Г. С. Дохтурова. Последнего перевели в Поместный приказ, где было как раз много челобитчиковых дел, столь близких его сердцу, одновременно он сохранил руководство Печатным приказом¹³. Однако и после удаления от посольских дел Г. С. Дохтуров не переставал вредить своему недругу. Так, в мае 1670 г. А. Л. Ордин-Нащокин послал из Посольского приказа в Печатный к Г. Дохтурову «грамоты печатать, зашив и приложа воск» и «приказывал <...> чтоб он те грамоты запечатал несмотря. И он де, думной дьяк, тех грамот не запечатал и те грамоты росшил и воск снял и их чол и говорил, будто в тех грамотах писано непопригожу»***. Г. Дохтурова постигло наказание: 21 мая царь послал его на один день в тюрьму. Неуважительное отношение к главе Посольского приказа со стороны и других приказных судей постоянно вредило «канцлеру».

Царь прощал А. Л. Ордину-Нащокину вызывающее поведение по отношению к своим подданным, но не любил, когда тот перечил ему лично. Так, царь склонялся к удержанию Киева любой

* Соловьев С. М. История России. М, 1998. Кн. VI. С. 380–381, 385–388; Эйгорн В. Отставка Ордина-Нащокина // ЖМНП. 1897. Ноябрь. С. 116–117, 119, 121.

** 19 декабря 1670 г. стряпчий новгородского митрополита развез ежегодную рождественскую «почеть» самым видным думцам и придворным и сообщил своему владыке: «Боярин Афонасей Лаврентиевич Нащокин рыбы не принял, а говорит: челом де бью государю великому святителю на сво благословении, заплатит де мне ныне за ево милость нечем: в Посолском приказе домовых дел никаких нет» (Архив СПбИИ. Кол. 171. Переплет III. № 165. Л. 238–239). Этот нарочитый отказ превращал предложенную «почеть» в форменный «посул» и был знаком неуважения к владыке, первостепенному среди митрополитов.

*** РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 948. Этот инцидент наделал много шума и был подробно и весьма точно описан шведскими информаторами (*Ellersieck Heinz*. *Russiaunder Aleksci Mikchailovich and Feodor Alekseevich*. P. 298–299).

ценой. Новый царский любимец — А. С. Матвеев всецело поддерживал позицию государя. По убедительному предположению В. Эйгорна, именно А. С. Матвеев убеждал царя не слушать советов А. Л. Ордина-Нащокина по украинским делам. В этой связи назначение А. С. Матвеева главой Малороссийского приказа¹⁴ ставило «канцлера» в двусмысленное положение. Неудивительно, что как только Артемон Сергеевич получил думное дворянство, А. Л. Ордин-Нащокин буквально на следующий день, 28 ноября 1670 г., подал очередной доклад с изложением своей позиции и завершил его просьбой об отставке: «...з горкими слезами челобитье мое истинное для последнего покаяния от государственных дел отпуску». Тогда царь не принял отставки, но после брака с Натальей Кирилловной участь главного соперника А. С. Матвеева была предрешена.

22 февраля 1671 г. А. С. Матвеев сменил А. Л. Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа, и отставного «канцлера» назначили послом в Польшу. 28 февраля ему присвоили звание ближнего боярина — верное указание на то, что этот титул в данном случае предназначался лишь для придания послу большего значения. На самом деле именно теперь А. Л. Ордин-Нащокин утратил роль ближайшего советника царя. 22 марта 1671 г. царь лишил его пышного титула «царственных и государственных посольских дел боярина».

Перед отъездом в Польшу отставной «канцлер» по-прежнему допускал возможность возврата Киева полякам, но получил категорический наказ не уступать в этом пункте. Дело кончилось отставкой строптивного боярина и от этого посольства — формально по болезни. Наконец 2 декабря 1671 г. Алексей Михайлович в присутствии всего двора А. Л. Ордина-Нащокина «от всея мирские суеты освободил явно», после чего тот постригся в монахи*. 4 декабря того же года последовал царский указ сыну опального боярина — Воину Афанасьевичу ехать в псковскую деревню, где до пострижения находился и его отец, и жить там обоим до особого распоряжения**. Подмосковные вотчины А. Л. Ордина-Нащокина и его московский двор на Кулишках с каменными палатами были описаны на государя***.

* Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961. С. 125; Эйгорн В. Отставка Ордина-Нащокина. С. 149–173.

** РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 721. Л. 160.

*** Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 1228. Л. 2.

В следующие тридцать лет после отставки А. Л. Ордина-Нащокина главной внешнеполитической задачей Московского государства стала борьба за Украину, что делало неизбежным столкновение с крупнейшей империей на юго-востоке Европы — Турцией. В 1670-е гг. Османская империя усилила экспансию в Восточной Европе и предпринимала настойчивые попытки подчинить Украину. Эта реальность заставляла Московское государство сосредоточиться на обороне южных рубежей, поддерживая мир со Швецией и добываясь военного союза с Речью Посполитой. Для такой внешнеполитической комбинации были все условия: силы Швеции были отвлечены войной с Данией за обладание Сконой (1675–1679), а сама Речь Посполитая с трудом противостояла натиску турецких войск.

Дальнейшие события подтвердили реалистичность нового внешнеполитического курса, который поддерживали даже политические противники А. С. Матвеева во время царствования Федора Алексеевича и регентства Софьи. В 1690-е гг., когда Нарышкины вновь возобладали, московские власти по-прежнему считали южное направление наиболее важным. В конце концов, на этом пути России удалось удержать за собой Левобережную Украину и захватить Азов.

4. Перемены в царском окружении

Утверждение на престоле новой династии Романовых способствовало обновлению правящей элиты: новая царская родня и царские фавориты заполнили Боярскую думу. На протяжении XVII в. Дума изменилась более чем на половину по составу родов и численно выросла в пять раз. Узловыми пунктами этого процесса были восхождение на престол и царские браки. Изменения численности и состава думных чинов в связи с событиями в царской семье подчеркивают суть происходивших в Думе перемен. Систематические данные боярских списков о пожаловании в Думу и другие ближние чины представляют своего рода летопись усиления самодержавия. Государь выбирал из окружавших его слуг и советников тех, кто мог, по его представлению, в наибольшей степени служить величию его власти.

Заметные изменения в ближайшем царском окружении и в управлении приказами начались еще до женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне. Время Милославских кончалось, и они должны были уйти в тень. Внешне перемены шли в мягкой форме. В конце октября-начале ноября

1669 г., т. е. за несколько дней до начала смотрин, окольников И. М. Милославский был лишен должности судьи Аптекарского приказа*. По московской традиции глава царской Аптеки был одним из наиболее значительных лиц при дворе, поскольку отвечал за здоровье государя. Впрочем, Алексей Михайлович с почетом удалял приближенных прежней царицы с ключевых постов, а если они того заслуживали, то продолжал жаловать свою старую родню. 17 апреля 1670 г., в день окончания царских смотрин, дворецкий Марии Ильиничны Ф. П. Соковнин¹⁵ был отставлен от должности, царь пожаловал ему формально равноценный чин думного дворянина. Окольников И. Б. Милославский отличился при защите Симбирска от разинцев, и за две недели до царской свадьбы, 9 января 1671 г., царь произвел его в бояре. За эту же симбирскую службу царь пожаловал ему 8 мая 1671 г. денежный оклад «вновь» 400 руб. и 100 руб. придачи к окладу, атлас на шубу в 60 руб. и соболей на 150 руб.** Видимо, в это же время И. Б. Милославский женился на дочери Прохора Данилова***. Этот не слишком блестящий для И. Б. Милославского брак — свидетельство того, что былое высокое значение рода Милославских миновало.

Логика придворной борьбы делала родственников покойной царицы главными врагами А. С. Матвеева и Нарышкиных. То немногое, что известно о Милославских после женитьбы царя на Наталье Кирилловне, связано с их удалением из дворца. И. Б. Милославский недолго пробыл в Москве: царь снова отослал его, на этот раз для взятия восставшей Астрахани. И. Б. Милославский «на службу пошел мая в 16 день»****. В конце августа 1671 г. он с правительственными войсками подошел к Астрахани и 27 ноября склонил ее к сдаче, пообещав не казнить повстанцев. Эта весть достигла Москвы 1 января 1672 г. Вместо благодарности И. Б. Милославский получил выговор за проявлен-

* *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 15.

** РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 335. Столпик 1. Л. 66, 261.

*** Боярский род Колычовых. М., 1886. С. 319. Семья Даниловых принадлежала к числу непримиримых староверов. Возможно, И. Б. Милославский находился перед тем же выбором, что и боярыня Ф. П. Морозова, которая спрашивала у протопопа Аввакума, какую девицу выбрать в жены своему сыну — знатного рода, но никонианку, или же дворянку «похуже», но придерживавшуюся дониконовского обряда.

**** Об этом сообщил своему владыке вологодский стряпчий из Москвы 23 мая 1671 г. (ГАВО. Ф. 1260. № 1974. Л. 2). К новому месту службы И. Б. Милославский добирался водным путем: 15 мая 1671 г. для него снаряжали струг (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 324. Л. 156 об.).

ную мягкость и был заменен боярином кн. Я. Н. Одоевским. Князь Яков Никитич представил царю показания бывших разинцев о том, что мягкость И. Б. Милославского к разинцам была вызвана многочисленными дорогими подарками боярину от восставших*. Впрочем, несмотря на царскую немилость к старшему из рода Милославских, наследником престола оставался сын покойной царицы Марии Ильиничны.

Приближенные новой царицы начали упрочиваться во дворце еще до свадьбы. 20 июля 1670 г. дальний родственник царской невесты по матери — Ф. И. Леонтьев был пожалован в думные дворяне**. 27 ноября того же года царь пожаловал в думные дворяне А. С. Матвеева и его соратника — полковника Я. П. Соловцова. Этот же день стряпчим стал крестник А. С. Матвеева — Ф. И. Бокин***.

Стрелецкие командиры составляли ближайшее окружение новой царицы. В стрелецком полку А. С. Матвеева служил родной дядя Натальи Кирилловны Ф. П. Нарышкин. Дворецким новой царицы 17 апреля 1671 г. был назначен тоже стрелецкий голова — А. Н. Лопухин****.

* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. III. С. 222, 227, 229–232, 234, 239, 241, 242.

** РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. № 6. Л. 46. Царская милость позволяла Ф. И. Леонтьеву обращаться к государю за помощью. 14 февраля 1671 г., через три недели после царской свадьбы, по челобитью Ф. И. Леонтьева были составлены грамоты в Н. Новгород, Гороховец и Вязники с указом «прокликать бирючую про животворящий крест Господень и образ Всемиловитваго Спаса, где кто поднял, и про то б объявили в городех воеводам и приказным людям» (РГАДА. Ф. 233. № 679. Л. 165 об.). Население трех уездов должно было искать оброненный Ф. И. Леонтьевым крест.

*** Ф. И. Бокин назван крестником А. С. Матвеева в челобитной дьяка Ю. Блудова 1677 г. После ссылки А. С. Матвеева Ю. Блудов обвинял бывшего канцлера в злоупотреблениях: московский «дворишко взял у меня, холопа твоего, боярин Артемон Сергеевич Матвеев безденежно и отдал крестнику своему Федору Бокину» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 850. Л. 494). В стряпчих Ф. И. Бокин занял привилегированное положение: служил в походных (1674–1676 гг.), получал особый корм наряду с ближайшими придворными (Там же. Боярские списки. № 12. Л. 59; № 13. Л. 59; № 14. Л. 72, 310; Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 1709).

**** Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 211. Отражением придворных успехов бывшего стрелецкого головы А. Н. Лопухина было пожалование 8 сентября 1670 г. его сыновей Кузьмы и Василия в стряпчие. 18 ноября того же года сам А. Н. Лопухин удостоился пожалования двух дорогих нашивок из казны — новый придворный обзаводился достойной его положения одеждой (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 8. Л. 61; Ф. 396. Оп. 2. Л. 57 об.).

Алексей Михайлович до последнего момента не возвышал ближайших родственников новой супруги*. Эта осторожность была следствием неудачных попыток его отца жениться на Хлоповой¹⁶ и собственный несостоявшийся брак со Всеволожской. Только на следующий день после свадьбы из Москвы были направлены сани и карета, запряженная шестеркой царских коней, за отцом царицы в Смоленск, где он служил стрелецким головой. Придворные долгое время попрекали Наталью Кирилловну ее низким положением до брака. Окольничий Ф. Л. Шакловитый¹⁷ говорил царевне Софье в 1689 г.: «Известно тебе, государыня, каков ее род и как в Смоленске в лаптях ходила»***. Случай вознес родню царицы на вершину власти и почестей.

Отправляясь в Москву 29 января 1671 г., К. П. Нарышкин сразу проявил повадки царского тестя. В Смоленске для коней присланной за ним каптаны¹⁸ купили «масло на натирку государевым лошадям». По дороге в столицу К. П. Нарышкин распорядился оставить одну лошадь, что была крива на правый глаз, очевидно, чтобы не нарушать благолепия въезда в столицу. Около 5 февраля он въехал в Москву*** и уже 7 февраля был удостоен думного дворянства. Временно его разместили на пустовавшем дворе стряпчего И. И. Вердеревского, который очистили от мусора. За пять дней 24 плотника соорудили здесь баню, а казенные портные днем и ночью шили для К. П. Нарышкина и его детей парадную одежду****.

Сотни людей спешили засвидетельствовать царскому тестю свое почтение. Так же как и поздравления царю по случаю свадьбы, изъявления почтения отцу царицы выражались в подарках. В отписке 19 февраля 1671 г. стряпчий вологодского архиепископа сообщил из Москвы: «Кирилу Полиектовичю новгородцкой стряпчей подносил иконы, два купка, два отласа. И он, Кирило Полиектович, кроме икон

* Единственная известная нам царская милость К. П. Нарышкину после наречения его дочери царской невестой относится к 24 сентября 1670 г., когда была составлена грамота в Смоленск о пожаловании его небольшой пустошью в поместье (РГАДА. Ф. 233. № 679. Л. 127 об.).

** Розыскные дела о Федоре Шакловитом. Т. I. Стб. 119–120.

*** Привезти К. П. Нарышкина с женой в Москву царь поручил жильцу И. Хомутову (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 13218, 13219). Накануне приезда царского тестя в Москву на Казенном дворе ему готовили подарки: 3 февраля — «жене сво на накладную шубку <...> а те шубки деланые великого государя жалованья»; 9 февраля — «бобры к шапкам и к портицам на пухи» самому К. П. Нарышкину, «как делано ему платья государева жалованья генваря в 30 де» (Там же. Оп. 2. № 115. Л. 84, 92 об.).

**** Там же. Ф. 141. Оп. 4. 1670 г. № 486. Л. 43–45.

ничево не принял. А рязанского митрополита в подносе была одна икона да кубок, да камка, и он де у них все принял. У ростовского две жиконы принял, а дву купков и дву камок не принял»*. Принимая подношения от одних посетителей, он был готов оказывать им покровительство, тогда как иные встречали в его доме более прохладный прием. Царские милости вчерашнему стрелецкому полковнику, а ныне тестю самого государя, доставили К. П. Нарышкину почетное положение во дворце**, вовлекли его в круговорот придворной жизни, но нет никаких данных о его влиянии на государственные дела***.

Подлинным лидером клана Нарышкиных был А. С. Матвеев. На следующий день после свадьбы, 23 января, царь пожаловал его в Ближнюю думу, а через месяц, 22 февраля, поставил во главе Посольского приказа****.

Вслед за возвышением А. С. Матвеева последовало удаление от трона царских любимцев предшествовавшего времени. Окольный Федор Михайлович Ртищев, отличавшийся искренним и глубоким благочестием, был весьма близок к государю в 1660-е гг. Едва А. С. Матвеев стал главным советником царя, как евангельское поведение Ф. М. Ртищева пришлось не ко двору. Ф. М. Ртищев принадлежал к тому редкому типу царедворцев, которые не искали для себя придворных почестей. Его уходу с политической сцены способствовали смерть царевича Алексея Алексеевича, при котором он состоял дядькой, а также ухудшение собственного здоровья*****. Больной Ф. М. Ртищев не ездил во дворец, но не порывал связей с дворцовой средой и поддерживал особенно доверительные отношения

* ГАВО. Ф. 1260. № 1973. Л. 17.

** Сверх обычного жалования царь установил ежегодные выдачи своему тестю: «...на всякие его годовые росходы и за дворцовые кормы» — 1200 руб. Эти суммы были доставлены на двор К. П. Нарышкину из приказа Тайных дел в 1674 и 1675 гг. Видимо, они были установлены в более раннее время (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 52983. Л. 1–2).

*** В дальнейшем К. П. Нарышкин неизменно держался в тени А. С. Матвеева. В мае 1682 г., когда Нарышкины в очередной раз пришли к власти, датский комиссар в Москве сообщил о возвращении из ссылки А. С. Матвеева, который «станет первым в правлении, поскольку дед нынешнего царя, по имени Кирилл Полуектович Нарышкин, наделен лишь посредственным умом» (Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // ВИД. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 195).

**** История о невинном заточении. С. 430; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 130.

***** Сохранились два рецепта, выписанные Ф. М. Ртищеву 11 октября 1667 г., и серия рецептов октября-ноября 1669 г. и апреля 1670 г. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 875. Л. 1–4, 7, 9–10; ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. № 1631).

с Б. М. Хитрово и Р. М. Стрешневым*. Кажется, Ф. М. Ртищев и не рвался любимыми путями удержаться близ трона. Он удалился от мирской суеты, хотя и не последовал примеру собственного отца, доживавшего свой век в монастыре. Ф. М. Ртищев присутствовал еще на царской свадьбе, но затем удалился на покой и до своей смерти 21 июля 1673 г. занимался благотворительностью**.

Возвышение новой царской родни сопровождалось заметными приказными назначениями. В ходе царских смотрин было сменено все руководство важнейшими финансовыми приказами. Наибольшее количество податей собирал приказ Большого прихода — ежегодно около 500 тыс. руб. Этот приказ ведал, в частности, сбором основной части внутренних и внешних пошлин. Вторым по значению финансовым приказом была Большая казна, в ведении которой находился Денежный двор. Ежегодные доходы этого приказа достигали 300 тыс. руб. Затем следовали Новгородская и Новая чет-

* В феврале 1671 г. вологодский архиепископ послал в Москву челобитную и велел вручить ее Ф. М. Ртищеву, «чтоб он пожаловал по совету з боярином з Богданом Матвеевичем тос нашу челобитную во благополучно время великому государю подали». 3 марта вологодский стряпчий писал из Москвы, что Ф. М. Ртищев «хотел пожаловать» и «упросить» Р. М. Стрешнева подождать с уплатой долга в Сибирский приказ; «а сам (Ф. М. Ртищев. — П. С.) вверх не ездит, болен». 21 марта он же сообщил: «А околничей Федор Михайлович милосердие <...> показал <...> образов и золотых в поднос (к Пасхе. — П. С.) готовить не велел: мы де о том з боярином Богданом Матвеевичем совет учиним и в роспись в подносную не напишем и в то число великого государя милосердие попросим как будет поднос, чтобы в церковное строение (зачесть. — П. С.). А за соболи деньги, то хочет сроку просить у околничева у Родиона Матвеевича, а великому государю доложить хочет по времени; жалует он говорит Богдану Матвеевичу, и <...> Богдан Матвеевич сказал: чаю де великий государь за соболи денег не возьмет. <...> А домовые дела <...> Федора Михайловича заступлением чаю вес **здластца**». В июле того же года стряпчий сообщил из Москвы о своих хлопотах перед судьей Сибирского приказа Р. М. Стрешневым: «А Федор Михайлович вверх не ездит, **совстно** у них с Родионом Матвеевичем, по **сво** челобитью пожаловал милосердно учинил» (ГАВО. Ф. 1260. № 1973. Л. 30; № 1975. Л. 24; № 1977. Л. 10–11; Архив СПбИИ. Кол. 13. Оп. 1. № 111. Л. 4).

** *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. Т. 1. С. 442–447; о присылке 8 марта 1671 г. Ф. М. Ртищевым хлеба «на роздачу нищим» в Вологду, где был тогда голод, см. также: Архив СПбИИ. Ф. 271. Оп. 2. № 303. Впечатляющую картину раздачи посланного Ф. М. Ртищевым хлеба находим в отписке вологодского архиепископа А. С. Матвееву 1671 г.: «В день недельный велел я ведомо учинить до роздачи казаза три или за четыре, и в такое малое время собралось по милостыню гладных душ болши дватцати тысяч, а как ведомо учинить о той роздаче за день или болши и с ними неведомо что и было, да еще ныне по зимнему пути, а впредь что и будет развес увы да горе, и многие имут вселятися во гроб» (Архив СПбИИ. Кол. 13. Оп. 1. № 120. Л. 2–3).

верти¹⁹, где ежегодные сборы насчитывали по 100 тыс. руб. в год. В Костромской, Устюжской и Галицкой четвертях собирали соответственно 30, 20 и 12 тыс. руб. *

С осени 1669 г. по июль 1670 г. в этих приказах сменилось начальство. Руководство Большого прихода перешло от думного дворянина И. А. Прончищева к окольному Н. М. Боборыкину. Большую казну вместо боярина кн. Н. И. Одоевского возглавил боярин П. М. Салтыков. Думный дьяк Г. С. Дохтуров сменил думного дворянина Г. М. Аничкова в управлении Новой четвертью. Несколько позднее, 10 марта 1671 г., Новгородская четверть перешла в ведение Посольского приказа, т. е. вместо думного дворянина И. С. Хитрово стала подчиняться А. С. Матвееву. В этот же день И. С. Хитрово «было сказано» сидеть в менее прибыльной Устюжской четверти, а с 16 марта ему же была подчинена Костромская четверть, а «ведать [ее] во Дворце», т. е. отдать под начало боярина Б. М. Хитрово. Другими словами, А. С. Матвеев получил Новгородский приказ с доходом в 100 тыс. руб., а И. С. Хитрово получил вместо него две четверти с общим доходом в два раза меньше, чем Новгородская четверть. Сверх того Галицкая четверть досталась А. С. Матвееву вместе с Посольским приказом **.

Как видим, часть финансовых приказов перешла под личное управление А. С. Матвеева. Другие приказные судьи держали сторону царского любимца. О сотрудничестве А. С. Матвеева с Н. М. Боборыкиным упоминалось выше: в августе 1672 г. «канцлер» говорил иверским старцам²⁰, что сохраняет за старорусским воеводой И. Боборыкиным эту должность ради дяди окольного Никиты Михайловича. Думный дьяк Г. С. Дохтуров возглавлял Новую четверть более пяти лет (1669–1676). В 1676 г. боярин кн. Ю. А. Долгоруков обвинил А. С. Матвеева в том, что тот «корыстуется» из денег Новой четверти, поскольку ею управляет его ставленник ***.

Итак, под контроль А. С. Матвеева и его сторонников перешла основная часть финансового управления страны. На нем, таким образом, лежала ответственность за поиск дополнительных средств (см. наст. изд., с. 149–154). Руководство финансовыми приказами давало огромную власть, поскольку облеченные царским доверием приказные судьи получали возможность распоряжаться десятками

* Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 88–89, 95, 97–98.

** Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 27, 35, 91, 95, 135, 200–201; РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 442. Л. 178, 195.

*** См.: *Bushkovitch Paul*. Peter The Great. P. 77.

тысяч рублей. Сотни людей просили удовлетворить их просьбы выплатить причитающиеся им деньги. Такую власть не отдают без борьбы.

Положение первостатейных боярских семей пошатнулось после возвышения А. С. Матвеева. В июле 1670 г. боярин кн. Н. И. Одоевский утратил руководство не только приказом Большого прихода, но двумя важнейшими военными приказами — Иноземским и Рейтарским*. Формально кн. Н. И. Одоевский оставался «наибольшим» боярином до конца царствования Алексея Михайловича. На Пасху 1672 г. он первым среди избранных думцев восседал за царским праздничным столом**. Внуки кн. Н. И. Одоевского служили в это время в ближних людях: кн. Ю. М. Одоевский — в спальниках царя, а кн. В. Ф. Одоевский — в комнатных стольниках царевича Федора Алексеича***.

Прямых данных о взаимоотношениях кн. Одоевских и А. С. Матвеева после брака царя с Натальей Кирилловной нет. Вероятно, оно было двойственным. Кн. Никита Иванович был принципиальным противником внешнеполитического курса А. Л. Ордина-Нащокина**** и мог сотрудничать с А. С. Матвеевым в этом вопросе. Однако служба кн. В. Ф. Одоевского при царевиче Федоре и лидирующее положение кн. Одоевских в Думе противопоставляли интересы этого знатного боярского рода новому худородному царскому любимцу. Характерно и то, что кн. Я. Н. Одоевский принял на свой двор Ивана Шихарева — главного соперника А. С. Матвеева во время царских смотрин. Свойственник кн. Одоевских, бывший дядька царевича Алексея, боярин кн. И. П. Пронский был удален в Новгород сразу после царской свадьбы*****.

Боярин кн. Ю. А. Долгоруков чуть было не лишился государевой милости во время царских смотрин. Нам неизвестны факты его участия в борьбе, развернувшейся при выборе второй жены Алексея Михайловича и в связи с делом о подметных письмах. Возможно,

* *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 57, 151.

** ДР. Т. III. Стб. 888.

*** В 1671 г. кн. В. Ф. Одоевский принимал сукна в хоромы царевича Федора: 3 февраля — «в верхнюю комнату на стол» и 16 марта — для украшения «места» царевича «в паперти Ризположения» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 716. Л. 461 об., 469 об.).

**** *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50-х-60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960, С. 83, 85–86.

***** Кн. И. П. Пронский был «отпущен» из приказа на новгородское воеводство 4 апреля 1671 г. и выехал из Москвы уже на следующий день (ДАИ. СПб., 1857. Т. VI. Стб. 232; Архив СПбИИ Ф. 181. Оп. 1. № 1821. Л. 38).

престарелый боярин был болен. 22 апреля 1670 г., в день появления во дворце подметных писем, ему был выписан рецепт из аптеки. Судя по другим рецептам, он недомогал до конца мая*. Вместе с тем 13 (23) июня 1670 г. Н. Гейне доносил из Москвы, что С. Разин требует выдать кн. Ю. А. Долгорукова на расправу «за то, что он некоторое время тому назад, будучи в нетрезвом виде, приказал повесить какого-то человека, посланного к нему сим мятежником. За это князь сей попал в немилость у двора сего и отставлен из совета **Е. Ц. В.** <...> Зависть и несогласие между знатнейшими министрами также увеличиваются»**. Действительно, в июне 1670 г. кн. Ю. А. Долгорукова лишили руководства Казанским приказом, и вскоре он вопреки его желанию был выслан из Москвы на подавление разинского восстания***. В товарищи к нему назначили окольничего кн. К. О. Щербатова и единственного тогда думного человека из клана Нарышкиных — думного дворянина Ф. И. Леонтьева. 28 августа 1670 г. воеводы были у руки и 1 сентября пошли на службу****.

Кн. Ю. А. Долгоруков действовал против повстанцев с исключительной жестокостью, повесив около 11 000 крестьян. Эта верная служба спасла его, царь щедро наградил кн. Ю. А. Долгорукова после его возвращения в Москву. Через две недели после царской свадьбы, 7 февраля 1671 г., подданные поздравляли государя с новым браком. В этот день царь пожаловал в думные дворяне отца царицы — К. П. Нарышкина, а ее братьев — в спальники. Одновременно милости коснулись и кн. Долгоруковых. В бояре были пожалованы сын удачливого полководца — кн. М. Ю. Долгоруков и победитель разинцев под Симбирском — кн. Ю. Н. Барятинский. 19 апреля боярство получил также кн. Д. А. Долгоруков, брат Юрия Алексеевича. В тот же день кн. Ю. А. Долгоруков был пожалован «за службу» к царскому столу, государь одарил его кубком, бархатной собольей шубой, придачей к окладу — 140 руб. и пожаловал большое село Шкип из поместья в вотчину. 19 марта 1671 г.

* РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 879. Л. 55–62.

** Архив СПбИИ. Кол. 40. Оп. 1. № 96. Л. 89. То же в 1670 г. писал о кн. Ю. А. Долгорукове находившийся в Москве С. Потоцкий: «Он причиною мятежа Донских казаков; ибо, велел повесить одного почти невиновного казачьего старосту, так раздражил чернь, что за одну неуместно поставленную виселицу казаки мстят ужаснейшим образом» (Характеры вельмож. Ч. 17. С. 308–309).

*** *Ellersieck Heinz*. Russia under Aleksei Mikchailovich and Feodor Alekseevich. P. 299; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 64.

**** ДР. т. III. Стб. 872; ДАИ. Т. VI. С. 59.

кн. В. С. Долгоруков был зачислен в стольники царицы, а 28 апреля кн. Л. Ф. и С. В. Долгоруковых пожаловали в царские стольники*.

Кн. Ю. А. Долгоруков удержался во дворце и стал сотрудничать с А. С. Матвеевым при ведении дипломатических переговоров: 8 декабря 1671 г. переговоры с польскими послами вели бояре кн. Ю. А. Долгоруков, кн. Д. А. Долгоруков, думный дворянин А. С. Матвеев и думный дьяк Г. К. Богданов**.

Сотрудничество кн. Ю. А. Долгорукова и А. С. Матвеева можно проследить и в следующем эпизоде. В 1673 г. стряпчий вологодского архиепископа вел трудное дело против крестника А. С. Матвеева — Федора Бокина. Исключительное положение крестника влиятельного думного человека вынудило вологодского стряпчего искать мировой — «без суда зделаться». Любопытно, как вологодский стряпчий стал добиваться своего: 15 мая «твою архиерейскую советную грамоту подал я боярину Юрью Алексеичу Долгорукову, — сообщал стряпчий в Вологду, — и он з грамотой посылал к околничему Артемону Сергеевичу стряпчево своево»***. Следовательно, просить у А. С. Матвеева нужного решения лучше всего было через кн. Ю. А. Долгорукова. Возможно, для кн. Долгоруковых сотрудничество с А. С. Матвеевым было средством потеснить другие боярские кланы. Видимо, о таком сотрудничестве с кн. Ю. А. Долгоруковым вспоминал А. С. Матвеев в письмах из пустозерской ссылки²¹: «Показанная твоя ко мне благодательства существу на Москве»****.

Еще один «столп» московского правительства Б. М. Хитрово также был вынужден потесниться в связи с возвышением А. С. Матвеева. В течение всех смотрин, с октября 1669 г. по май 1670 г., Б. М. Хитрово недомогал — врачи давали ему лекарство, что «подкрепляет природу и силу имеет от цынги»*****. Впрочем, недомогание Б. М. Хитрово не мешало ему осматривать у себя на дворе Авдотью Беляеву, а 22 апреля присутствовать во дворце и подать царю обнаруженные подметные письма.

* ДР. Т. III. Стб. 879–881; РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 8. Л. 31; Московский ст. Стб. 484. Л. 772. В это же время в стольники царицы пожаловали кн. И. Д. и Г. Ф. Долгоруковых. В отдельном списке царицыных стольников среди пожалованных 1671 г. их имена не значатся, но в боярском списке 1671 г. они записаны между пожалованными от 12 апреля и 12 июня (Там же. Боярские списки. № 10. Л. 32 об.).

** ДР. Т. III. Стб. 883–886.

*** ГАВО. Ф. 1260. № 2182. Л. I.

**** История о невинном заточении. С. 312.

***** Сверх того врачи рекомендовали Б. М. Хитрово «на всяк день намазывать 3-ж и 4-ж места болные» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 875. Л. 5–6; № 877. Л. 1–27).

Ближний боярин Б. М. Хитрово продолжал пользоваться царскими милостями и особым доверием государя*. Вряд ли он открыто выступал против кандидатуры Натальи Нарышкиной. На это указывает его почетная роль в свадебной церемонии: после обряда венчания он ходил от царя к патриарху со свадебными караваем, убрусом и ширинкою**. После свадьбы он продолжал исполнять свои прежние обязанности: на торжественных обедах сидел «за поставцом»*** и, пытаясь угодить новой царице, относил ей 8 мая 1671 г. бахрому к рукавицам****. Внешне Б. М. Хитрово поддерживал благожелательные отношения с А. С. Матвеевым и даже приглашал его в гости*****. Как один из главных царских советников Б. М. Хитрово фигурирует в «преlestном» письме восставших разинцев: «...будто у великого государя есть бояре изменники» — кн. Ю. А. Долгоруков и Б. М. Хитрово6*. О придворном успехе Б. М. Хитрово свидетельствуют приобретения новых земель и дворов в Москве, а также крупные вклады в монастырь7*.

Б. М. Хитрово был главой разветвленного придворного клана, контролировавшего ряд придворных и дворцовых должностей. Сам Богдан Матвеевич возглавлял Большой дворец и связанные с ним Оружейную, Золотую и Серебряную палаты, дворцовый судный приказ. Его

* 6 мая 1670 г. царь пожаловал ему 200 руб. на ремонт пострадавшего в пожар московского двора. 17 мая Б. М. Хитрово собственноручно написал письмо думному дьяку Л. Т. Голосову с изложением царского указа лечить ближнего боярина кн. Г. С. Черкасского. В 1670 г. Б. М. Хитрово получал от царя рожь на семена, по его челобитью межевали его земли. 10 января 1671 г., накануне своей свадьбы, царь пожаловал Б. М. Хитрово печатную книгу Апостол (РИБ. Т. XXI. Стб. 1534, 1537; Т. XXIII. Стб. 1320; Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862. С. 114; РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 880. Л. 2 об.).

** Материалы для истории. Стб. 993.

*** Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т. II. 4. 1. С. 35.

**** РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 720. Л. 290 об. — 291.

***** См. наст. изд., с. 92.

6* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. III. С. 109.

7* Среди приобретений Б. М. Хитрово этого времени выделим самые крупные: в 1669 г. — дворовое место в Москве с каменными палатами стольника кн. А. Буйносова-Ростовского; 15 сентября 1669 г. — вотчина в Костромском уезде за 1500 руб.; 20 ноября того же года — половина двора в Белом городе за 120 руб.; 5 августа 1671 г. — двор в Белом городе на Дмитровке с каменными палатами за 3000 руб. (РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. № 6943а. Л. 62–62, 64 об.; Ф. 1209. Оп. 2. № 9839. Л. 65–66 об., 86–90, 92–100; ОР РГБ. Ф. 480. Картон 1. № 2. Л. 38, 51 об. 52, 60 об.). В 1669/70 г. Б. М. Хитрово дал вклад в Троице-Сергиев монастырь на 1224 руб. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 105).

помощником в управлении Большого дворца и дворцового судебного приказа был племянник думный дворянин А. С. Хитрово. У другого племянника Б. М. Хитрово — думного дворянина И. С. Хитрово А. С. Матвеев отнял заведование Новгородской четвертью, но все же И. С. Хитрово управлял Устюжской и Костромской четвертями.

После царского брака положение Б. М. Хитрово серьезно покачнулось. В середине марта 1671 г. вологодский стряпчий писал из Москвы: «А боярин Богдан Матвеевич ни во что не вступаетца, а боярину Богдану Матвеевичу одва не быть ли на службе <...> а подлинно аз наведался»*. Слухи о падении значения Б. М. Хитрово при дворе и высылке его из столицы позволяют предполагать интриги против него со стороны А. С. Матвеева и Нарышкиных. Тем не менее «шепчущий любимец» сумел удержаться при дворе.

Родственники Б. М. Хитрово сохранили свои позиции в царских покоях: его зять кн. И. Б. Троекуров стал, пожалуй, наиболее значимым при царе спальником. В комнате наследника престола Федора Алексеевича заправляли его дядька И. Б. Хитрово, мамка А. П. Хитрово и стольник царевича А. И. Хитрово**.

Несомненным успехом для Б. М. Хитрово было пожалование 27 ноября 1670 г. близкого к нему стольника кн. В. Б. Волконского в окольничие и назначение его главой Челобитного приказа (1670–1672)***. Еще одним выдвинутцем Богдана Матвеевича был думный дьяк Ларион Иванов****. В январе 1669 г. иверский старец писал из Москвы о роли дьяка Л. И. Иванова в Большом

* ГАВО. Ф. 1260. № 1977. Л. 2 об.

** См. наст. изд., с. 175–177, 247.

*** РГАДА. Ф. 210. Боярская книга. № 6. Л. 38. *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 221. В 1675 г. кн. В. Б. Волконский назначил Б. М. Хитрово своим душеприказчиком (Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 202–203).

**** Л. Иванов начал приказную службу дьяком в Новой четверти под руководством Б. М. Хитрово. В 1664 г. Б. М. Хитрово перевели в Большой дворец, и он взял с собой Л. Иванова. В этих приказах под началом Б. М. Хитрово Л. Иванов прослужил семь лет (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 21, 90–91, 166–167). 2 октября 1669 г. Л. Иванов был пожалован в думные дьяки и в тот же день впервые получил свой приказ — Стрелецкий (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 97). 9 декабря 1672 г. он сменил И. С. Хитрово в управлении Устюжской четвертью, таким образом, этот приказ по-прежнему контролировал человек Б. М. Хитрово (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 201). И в дальнейшем Б. М. Хитрово продолжал оказывать покровительство своему ставленнику: в 1674 г. он распорядился выдать ему быка, двух баранов и ветчину из запасов Кормового дворца; в 1675 г. по приказу Б. М. Хитрово сын думного дьяка Василий получил из Оружейной палаты дорогое «лубье саадашное бархатное» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. № 369. Л. 40 об.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 15340).

дворце при боярине Б. М. Хитрово: «...всякие наши дела не минут ево, потому что он всегда у боярина, а ево жалует»*. Неудивительно поэтому, что Л. И. Иванова хотели выслать из Москвы, так же как и его покровителя Б. М. Хитрово. 18 июля 1671 г. стряпчий вологодского архиепископа сообщал из Москвы: «А думной Ларийон Иванович, сказано ему на Вологду и в Белозерской уезд, а приказ Стрелецкой приказан Герасиму Семеновичю (Дохтурову. — П. С.)»**. Однако в конце концов это назначение Г. С. Дохтурова, ставленника А. С. Матвеева, не состоялось, и Л. И. Иванов продолжал управлять важнейшим Стрелецким приказом.

Иные бояре стали заискивать перед А. С. Матвеевым. Среди них был боярин кн. Ю. И. Ромодановский. В письме 23 мая 1671 г. из Москвы стряпчий вологодского архиепископа сообщил своему владыке: «...князь Юрей Иванович в деревне, а отпушон на две недели. А сказывают, государь, думной Артемон Сергеевич ему советен»***. Летом 1671 г. кн. Ю. И. Ромодановский был весьма влиятельным боярином и неизменно ездил за царем в подмосковные походы****.

А. С. Матвеев мог потеснить таких влиятельных людей, как кн. Н. И. Одоевский, кн. Ю. А. Долгоруков, Б. М. Хитрово, только при покровительстве со стороны Алексея Михайловича. Царь не накладывал на своих старых слуг подлинной опалы. Просто три престарелых боярина все чаще отлеживались по болезни дома и неизбежно запускали приказные дела. А. С. Матвеев действовал более энергично. Царская милость помогла ему найти общий язык с некоторыми думными людьми, которые начинали его поддерживать.

В связи с возвышением А. С. Матвеева самые влиятельные бояре были вынуждены потесниться, но тем не менее не ушли вовсе из царской Комнаты²² и приказного управления, что позволило им сохранить свое значение «столпов» государства. Новый человек,

* Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 1443. Л. 7.

** ГАВО. Ф. 1260. № 1988. Л. 3.

*** Там же. № 1974. Л. 1. В 1671 г. вологодский стряпчий еще трижды писал об этом же из Москвы — в письме 24 мая: «Надежа на боярина на князь Юрья Ивановича, что он ему думному (А. С. Матвееву. — П. С.) советен» (Там же. № 1986. Л. 3); в письме 16 июня стряпчий просил вологодского архиепископа написать к кн. Ю. И. Ромодановскому, чтобы тот «заступил» А. С. Матвееву, «а у них промеж собою советно и дружно» (Архив СПбИИ. Кол. 13. Оп. 1. № 120. Л. 7); в письме 18 июня сообщал, что А. С. Матвеев кн. Ю. И. Ромодановскому «гораздо советен, а воистину, государь, не площадную речь пишу» (ГАВО. Ф. 1260. № 1988. Л. 3).

**** Письмо вологодского стряпчего из Москвы 16 июня 1671 г.: «А боярин, государь, князь Юрей Иванович за великим государем в походе в селе Преображенском, а дома мало живет» (Архив СПбИИ. Кол. 13. Оп. 1. № 120. Л. 7).

пожалованный в Думу и допущенный во дворец, искал поддержки у тех, кто жил при царских «светлый очах» годы и десятилетия до него. Даже такой влиятельный советник царя, как А. С. Матвеев, не мог успешно действовать при дворе без сотрудничества с влиятельными боярами или, по крайней мере, с некоторыми из них. Это обстоятельство указывает на значение Боярской думы как важнейшего органа управления Московской Руси.

5. *Временщик А. С. Матвеев и бояре*

Новый брак Алексея Михайловича породил династическую проблему. Отныне и до конца XVII в. противостояние Милославских и Нарышкиных станет важнейшим нервом придворной и политической истории. «Столкновение интересов страшное и ненависть страшная», — как писал об этом С. М. Соловьев*. В литературе находим различные оценки характера придворного соперничества этого периода. Одни склонны рассматривать любые перипетии придворной борьбы сквозь призму борьбы Милославских и Нарышкиных. При таком подходе прочие боярские фамилии либо отодвигались в тень этого противостояния, либо разделялись исследователями без остатка на два непримиримых лагеря Милославских и Нарышкиных**.

Современный исследователь П. Бушкович поставил такой подход под сомнение, считая соперничество Милославских и Нарышкиных в 1671–1675 гг. (до вступления Федора Алексеевича на престол) не более чем мифом. «Никто из современников, как русских, так и иностранцев, — пишет П. Бушкович, — не сообщил сведений о сколько-нибудь серьезной оппозиции Матвееву до самой кончины Алексея Михайловича, и никакая борьба придворных партий не привлекла их внимания». Все многообразие придворных взаимоотношений П. Бушкович сводит к возвышению А. С. Матвеева, за которым стоял сам царь. Исследователь приходит к выводу, что отдельные конфликты А. С. Матвеева с некоторыми видными боярами были «по поводу юрисдикции и политического влияния, а не по вопросам политики как таковой»***. Такая оценка лишает политическую историю рассматриваемого периода всякого внутреннего стержня, если не смысла.

* Соловьев С. М. История России. Кн. VII. С. 178.

** Наиболее последовательно такой точки зрения придерживается М. М. Галанов (*Галанов М. М. Придворные группировки и их борьба за власть в годы царствования Федора Алексеевича // Ключ. 2002. № 3 (18). С. 52–58.*)

*** См.: *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 76.*

Послания иностранных резидентов из Москвы, которые П. Бушкович, вслед за Г. Ф. Форстенем и Х. Эллерсиком, вводит в научный оборот, действительно мало сообщают о противостоянии Милославских и Нарышкиных и ином соперничестве в боярской среде. Но источники русского происхождения позволяют в деталях проследить его.

Рождение царевича Петра 30 мая 1672 г. оказало огромное влияние на расстановку сил при дворе. В этот день царь пожаловал в окольные отца царицы — К. П. Нарышкина и А. С. Матвеева, в думные дворяне — дядю Натальи Кирилловны Ф. П. Нарышкина и дворецкого царицы — А. Н. Лопухина*.

Появление мужского потомства от второго брака неизбежно ставило вопрос о том, к кому перейдет престол: к детям от первого или от второго брака. Этот главный вопрос придворной жизни определял долгосрочные цели соперничества между Милославскими и Нарышкиными. Однако было бы большим упрощением сводить все многообразие политической истории начала 1670-х гг. к противостоянию Милославских и Нарышкиных. Лидеры Думы, получившие боярские чины задолго до того, как началось противостояние Милославских и Нарышкиных, преследовали свои цели, лавируя между этими полюсами влияния. Разветвленные придворные кланы обменивались ударами, демонстрируя всему двору, кто лучше сумеет добиться для себя и своих сторонников новых земельных и денежных пожалований, чинов, приказных и воеводских назначений. Этим путем наиболее значимые придворные привлекали на свою сторону царедворцев и продвигали их по службе.

Со стороны А. С. Матвеева гонениям подверглись кн. Львовы, родственники жены боярина Б. М. Хитрово**. 25 июля 1671 г. вотчина кн. С. И. Львова, убитого разницами, была пожалована А. С. Матвееву, тогда как родному брату погибшего было в ней отказано, «потому что та вотчина не родовая»***. Эта история наделала много шума. Несколько лет спустя А. С. Матвеев оправдывался по этому поводу, ставшему одним из основных обвинений против него. Из его оправданий следует, что в 1671 г. А. С. Матвеев сумел

* РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 10. Л. 3, 4 об.

** В 1672/73 г. за спальника кн. Ф. Ю. Ромодановского была сговорена замуж дочь окольного кн. В. П. Львова — Авдотья, которая приходилась двоюродной сестрой Марье Ивановне, жене боярина кн. Б. М. Хитрово. Следовательно, жена Б. М. Хитрово была дочерью кн. И. П. Львова. Этот факт был установлен Ю. В. Татищевым (Архив СПбИИ. Ф. 131. Оп. 1. № 74. без пагинации; ср. Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. I. С. 187).

*** РГАДА. Ф. 233. № 679. Л. 215 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 113. № 43. Л. 8.

доказать Алексею Михайловичу, что кн. С. И. Львов не только владел землей по подложным документам, но и участвовал в изменнических связях с разницами*. В результате царь наложил опалу на кн. Львовых: 8 июня 1672 г. родной брат кн. С. И. Львова стольник кн. П. И. Львов был разжалован в московские дворяне. Стольник кн. М. В. Львов, женатый на И. Б. Милославской, в сентябре 1672 г. был отставлен «от походов за болезнью»**.

Следующий удар А. С. Матвеев нанес семье Колычевых, видимо, потому, что И. И. Колычов служил в стольниках царевича Федора***. 12 марта 1672 г. А. С. Матвеев отнял у стольника С. И. Колычова и московского дворянина К. И. Лихарева примеренную землю в Рязанском уезде****. В том же году стольник Я. Н. Колычов был разжалован в московские дворяне*****.

Пострадали от А. С. Матвеева и Пушкины. 23 ноября 1672 г. А. С. Матвеев купил у П. П. и Ф. П. Пушкиных подмосковную вотчину^{6*}. Уже из ссылки А. С. Матвеев оправдывался: «А что на меня, холопа твоего, бил челом тебе великому государю Иван Лаврентьев сын Салтыков, также буде и иные об отчинах, и я <...> у Ивана отчины не купливал, а купил у Петра Пушкина; и Петрова челобитья на меня <...> быти не в чем. Купчия мои <...> записаны в Поместном

* «А что меня, холопа твоего, поносят о похищении князь Семеновой вотчины Львова, и князь Семенова <...> вотчина дана мне <...> милостью отца твоего государева <...> а князь Семсною виною явною и уличенною, что он не так учинил, как ваш <...> указ надлежит». Уличив кн. С. И. Львова в подделке купчей и тайных сношениях с разницами, А. С. Матвеев упомянул «челобитье некоего» заступника за вдову кн. С. И. Львова. Стараниями этого заступника царь пожаловал вдове вместо вотчины, отданной А. С. Матвееву, другую вотчину, конфискованную у опальной боярыни Ф. П. Морозовой (История о невинном заточении. С. 210–213).

** РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 11. Л. 14. 20 сентября вместе с кн. М. В. Львовым от походов были отставлены два стольника: близкий к Милославским А. И. Безобразов и кн. С. Ю. Звенигородский (Там же. Московский ст. Стб. 465. Л. 383). Кн. М. В. Львов был вкладчиком Антониново-Сийского монастыря, находившегося под покровительством Милославских: в феврале 1670 г. он вместе с женой Ириной Богдановной сделал вклад в эту обитель (Чтения ОИДР. 1917. Кн. 11. Отд. 1. С. 68).

*** Временник ОИДР. М., 1850. Смесь. С. 50.

**** Владение было небольшим — 100 четв. Но дело было в том, что конфискация примеренной земли, т. е. распаханной по соседству без права владения ею, сопровождалась докладом государю и, следовательно, С. И. Колычов был опорочен в тазах царя (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. № 679. Л. 317).

***** РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 10. Л. 10.

^{6*} Там же. Ф. 233. Оп. 1. № 679. Л. 32; Романюк С. К. По землям московских сел и слобод. М., 1999. Ч. 11. С. 62–63.

приказе без челобитья с допросами»*. А. С. Матвеев оправдывался формальной стороной дела, благоразумно не уточняя, насколько добровольно Пушкины уступили свою вотчину царскому любимцу**.

Важным средством усиления придворного влияния А. С. Матвеева стали театральные представления, которыми он сумел увлечь царя. 15 мая 1672 г. последовал царский указ полковнику Николаю фон Стадену ехать в Курляндию и найти там двух человек, «которые б умели всякие комедии строить»; если же в Курляндии таких людей не сыщется, то Стадену было предписано ехать в Швецию и Пруссию***. Уже на шестой день после рождения Петра царский духовник благословил подготовку первой придворной комедии.

Первое театральное представление — «Артаксерксово действо» состоялось 17 октября 1672 г.**** Оно произвело огромное впечатление на Алексея Михайловича и послужило росту влияния А. С. Матвеева. Датский резидент уловил изменения при московском дворе и в донесении 19 ноября назвал А. С. Матвеева «царьком», заметив, что «главное занятие этого первого министра — устраивать представления пьес, и он даже сам появляется на сцене, чтобы утихомирить детей, которые выступают актерами»*****. Сторонники А. С. Матвеева все больше набирали силу при дворе. 27 ноября царь пожаловал в бояре К. П. Нарышкина и кн. Ю. П. Трубецкого6*.

* История о невинном заточении. С. 44. Стольник Лев Иванович Салтыков также пострадал при А. С. Матвееве. 30 октября 1673 г. его почти на месяц посадили в тюрьму за насильственное пострижение своей жены (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 440. Л. 10–14).

** 19 сентября 1673 г. А. С. Матвеев купил еще одну подмосковную вотчину у Вырубовых (РГАДА. Ф. 233. № 681. Л. 158–158 об.).

*** *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. 1.

**** Там же. С. VIII.

***** *Bushkovitch Paul.* Peter The Great. P. 67.

6* РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 11. Л. 2. Пожалование боярства кн. Ю. П. Трубецкому было вызвано его назначением воеводой в Киев (1673–1675). Кн. Ю. П. Трубецкой с сочувствием относился к театральным представлениям А. С. Матвеева. В Киеве он поставил пьесу «Алексей человек Божий» и даже издал ее текст (*Морозов П.О.* Очерки по истории русской драмы XVII–XVIII столетий. СПб., 1888. С. 104, 110; *Сазонова Л.И.* 1) Повесть об Алексее Римском в третьем — пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660–1670-х годов // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1970. С. 105; 2) Раннехристианская легенда об Алексее Римском: обретение нового контекста в русской культуре второй половины XVII века // *Славяноведение.* 2006. № 2. С. 73–75). В Киеве кн. Ю. П. Трубецкой вел себя заносчиво, и от подчиненных на него поступил донос в финансовых злоупотреблениях. По возвращении в Москву Алексей Михайлович указал А. С. Матвееву разобрать дело, и тот во всем оправдал своего ставленника (АЮЗР. СПб., 1879. Т. XI. Стб. 175; *Гольцов В.И.* Описи XVII века документов Посольского приказа // АЕ за 2002 г. М., 2004. С. 96).

Театральные представления выявили сторонников и противников новшеств. Царский духовник Андрей Савинович благословил увлечение царя невиданной в Московии диковинкой, а А. С. Матвеев взял на себя всю организацию этого дела. Патриархи, сначала Питирим, а потом Иоаким, выступали против этих богохульных, по их понятиям, новин. Думные люди тоже разделились в этом вопросе. На этом фоне при дворе произошел скандал. В октябре-начале ноября 1672 г. староста Шунгского погоста писал своим крестьянам из Москвы о новостях последних дней*. Андрей Савинович заявил шунгским крестьянам: «Хотя де и государева грамота придет, во крестьянство за Тихвин монастырь не пишитесь. Хто де грамоты тихвинским отпущал, Артамон Сергеевич, и тот де ныне под моим началом. Хотел ево святейший Питирим патриарх з женою розвести для того, что в четвертые женился. И я де об нем у патриарха упросил, а на него, Артамона, запись взя[л], чтоб ему меня слушать и ничем не спорить со м[н]ою». Однако вскоре ситуация переменилась. Накануне Юрьева дня (26 ноября) из Москвы в Толвуйский погост вернулись крестьяне и рассказали, что «Шунгский погост безотворотно (отдают. — П. С.) за Тихвин монастырь. А стояли де толвуйцы у Андрея Савиновича на третьем дворе, а про то де слышали, что у него духовника [с] святейшим патриархом спор был, и в кручине восемь недель з двора не съезжал от себя, у великого государя на очах не бывал»**.

Эти уникальные известия раскрывают важные пружины придворной борьбы. А. С. Матвеев, видимо, потому и не ходил к патриархам на благословение, что был четырежды женат. В его противостоянии патриарху был еще и важный личный мотив: глава церкви хотел разрушить его семью и опозорить влиятельного боярина в глазах всего двора. Может быть, царский духовник и преувеличивал свою власть над А. С. Матвеевым, но ясно, что они действовали заодно. «Спор» патриарха с царским духовником мог быть вокруг театральных представлений или по другому поводу, но он, очевидно, зашел слишком далеко: патриарх запретил Андрею Савиновичу съезжать со двора

* Шунгские крестьяне добивались в Москве, чтобы их не отдавали Успенскому Тихвинскому монастырю. В решение этого вопроса оказались вовлечены самые влиятельные люди: патриарх, новгородский митрополит, царский духовник, А. С. Матвеев, другие «верховые» царские люди. Крестьяне посулили Андрею Савиновичу от того дела огромную сумму в 2 тыс. руб. и в деталях сообщали в свои погосты о том, как продвигается их дело. Власти Успенского монастыря тщательно следили за тем, что пишут их противники из Москвы. Для этого специально из Москвы в Олонец был послан монастырский стряпчий, который детально и с указанием чисел записывал самые последние вести из столицы.

** Архив СПбИИ. Ф. 132. Оп. 1. Картон 15. № 206. Л. 2.

целых восемь недель, т. е. приблизительно со дня первого театрального представления при дворе. Выступая против царского духовника и А. С. Матвеева, патриарх фактически противопоставил себя царю.

Разделенная на группировки Дума становилась более послушной царской воле. Весной 1673 г. на ее заседании царь велел заняться вопросом о торговле с Данией: кн. Ю. А. Долгорукову и кн. Н. И. Одоевскому вместе с «канцлером» взять это дело в свои руки и исполнить его как можно скорее, без участия других думцев и дьяков, которые до сих пор вмешивались в это поручение*. И вопрос действительно был быстро решен так, как этого хотел царь.

Алексей Михайлович не допускал чрезмерного усиления какой-либо из группировок в Думе и даровал свои милости не только А. С. Матвееву, но и его противникам. 11 апреля 1673 г. зять Б. М. Хитрово окольный кн. Б. И. Троекуров был пожалован боярством. Вслед за тем случай выбил А. С. Матвеева из придворной жизни. В мае он сел на норовистую лошадь у себя в конюшне, та встала на дыбы, и боярин ударился головой о потолок**. «Канцлер» долго недомогал: даже в конце июля иверские монахи писали из Москвы, что он «занемошествовал и многие дни в приказ не ездил»***.

Когда А. С. Матвеев выздоровел, ему пришлось выдержать атаку со стороны своих недругов. В донесении 19 августа 1673 г. датский резидент сообщил, что «канцлер» поссорился с боярином Б. М. Хитрово и неким Троекуровым: «Эти двое вельмож при полном собрании, в присутствии Великого князя, во время чтения моих предложений, увидев, что канцлер как будто настаивает на своих доводах, до того разгневались на него, что наговорили ему множество оскорблений, утверждая, что он вмешивается в их дела вопреки обычаю страны, что он всего-навсего сын священника, и еще тысячу подобных грубостей». Царь велел Б. М. Хитрово и кн. Троекурову замолчать и передал решение вопроса в руки А. С. Матвеева****.

* См.: *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 67.*

** Ibid.

*** Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 2169. Л. 44, 45.

**** См.: *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 68–69.* Поль Бушкович предположил, что под боярином кн. Троекуровым здесь следует понимать кн. Бориса Ивановича. Не исключая такую возможность, заметим, что, скорее всего, датский резидент спутал боярина кн. Б. И. Троекурова с его сыном кн. И. Б. Троекуровым, одним из самых доверенных царских спальников и зятем боярина Б. М. Хитрово. Слова датского дипломата о том, что этот кн. Троекуров «ведает правосудием в отношении иностранцев», является прямым указанием на кн. И. Б. Троекурова, возглавлявшего в этот момент Иноземский и Рейтарский приказы (*Богоявленский С. К. Приказные судьи. С. 57, 151*). В этом случае датский дипломат спутал чин влиятельного придворного.

По мнению П. Бушковича, этот конфликт совершенно не относился к политике.

Полагаем, что в контексте придворных событий этот конфликт был как раз проявлением политического противостояния. Всего через несколько дней царь начал жаловать врагов А. С. Матвеева. В сентябре 1673 г. спальниками стали: сын боярина кн. А. А. Голицына — Борис и сын боярина кн. Д. А. Долгорукова — Иван*, а также И. А. и И. И. Головины, кн. Б. И. Прозоровский. Правда, соблюдая равновесие между враждующими кланами, царь пожаловал в спальники сотрудника А. С. Матвеева кн. Б. В. Горчакова и В. Ф. Нарышкина**. 26 января 1674 г. кн. Б. А. Голицын и кн. Б. В. Горчаков стали стольниками царевича Федора, а кн. Б. И. Прозоровский (дата неизвестна) — стольником царевича Ивана. А. С. Матвеев и его недруг кн. А. А. Голицын сумели приставить по своему ставленнику к старшему царевичу, которому предстояло наследовать престол. Знаковым для возвышения врагов А. С. Матвеева было назначение 28 сентября 1673 г. окольничего И. Б. Милославского главой Челобитного приказа вместо ставленника Б. М. Хитрово — кн. В. Б. Волконского***.

А. С. Матвеев постоянно находился при государе, в этом и состояла сила его влияния. Хотя в феврале-марте 1674 г. ему было выписано шестнадцать рецептов из Аптеки****, он продолжал ездить во дворец. В начале января 1674 г. иверские старцы писали из Москвы, что А. С. Матвееву «не до наших дел, беспрестанно вверху, а коли на малое время в приказ въедет, и тогда челобитчиков не впускают». В иверской отписке начала июня 1674 г. сообщалось, что А. С. Матвеев «челобитен не принимает ни у ково, а в приказ не ездит, беспрестанно за царем в походе и за царицею. А ныне дни празднественные, царь государь в походе часто, а дум-

* Первая жена кн. Д. А. Долгорукова приходилась родной сестрой царице Марии Ильиничне. Следовательно, их сын Иван был двоюродным братом царевича Федора Алексеевича.

** Кн. Б. А. Голицын, кн. Б. В. Горчаков и В. Ф. Нарышкин стали спальниками 18 сентября 1673 г. Даты пожалований И. А. и И. И. Головиных, кн. И. Д. Долгорукова и кн. Б. И. Прозоровского неизвестны, но, судя по тому, что они записаны в боярский список еще до кн. Я. А. Голицына (пожалован 6 сентября 1674 г.), логично думать, что все пожалования произошли в том же 1673/74 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 12. Л. 8–8 об.; ДР. Т. III. Стб. 902).

*** *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 221.

**** РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 52078. Л. 3, 5, 8–10, 14, 2838, 59, 63, 64, 74, 93, 111, 125, 130.

ной и дьяки без Аргемона Сергеевича указу не чинят и в приказе мало сидят»*.

В ближайшем царском окружении противники А. С. Матвеева интриговали против него. 9 июня А. С. Матвеев сообщил датскому резиденту, что тому придется покинуть Россию, поскольку царь решил выслать из страны всех иностранных резидентов. При этом А. С. Матвеев ссылался на то, что «дело было решено в Думе, а потому находится не в его власти». Через несколько недель А. С. Матвеев добавил, что решение о высылке резидентов состоялось по почину боярина кн. Ю. А. Долгорукова, который «поднял из-за них такой шум на прошлом заседании, что пришлось ему (Матвееву. — П. С.) ради собственного облегчения взяться за дело самому». «Канцлер» поведал датскому резиденту, что в этом деле «вся Дума на меня навалилась, и они считают, что от присутствия здесь резидентов нет большого проку». На заседании Думы кн. Ю. А. Долгоруков сказал А. С. Матвееву: «Мой отец с твоим ладили и служили Его царскому величеству счастливо, но им приходилось считаться с мнением иностранных послов»; затем Ю. А. Долгоруков добавил, что если от пребывания иностранных резидентов случатся какие-нибудь новшества, то знайте, что все неудобства от этого падут на А. С. Матвеева**. Правда, иностранные резиденты высланы не были.

Суть недовольства многих думцев состояла не собственно в самих иностранных резидентах, а в том, что от них опасались распространения пагубных новшеств. При помощи иноземцев, в том числе из числа дипломатических миссий, А. С. Матвеев устраивал театральные представления, которые не только коробили ревнителей старины, но и способствовали его влиянию на Алексея Михайловича. Поэтому кн. Ю. А. Долгоруков и утверждал, что пребывание в Москве резидентов выгодно одному лишь А. С. Матвееву***.

В это время царь принял решение объявить наследником престола царевича Федора Алексеевича, что лишало А. С. Матвеева политического будущего. Враги «канцлера» подняли голову. Противники

* Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 2304. Л. 3–4, 87; ср. л. 38–39, 55. О влиянии А. С. Матвеева при дворе свидетельствует и его письмо 5 февраля 1674 г. думному дьяку С. С. Титову с объявлением царского указа освободить из тюрьмы Петра Колтовского (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 440. Л. 113).

** См.: *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 72.*

*** Форстен Г. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. 1904. Сентябрь. С. 119; Щербачев Ю. Н. Из донесений первого датского резидента (1672–1676) // Чтения ОИДР. 1917. Кн. II. Отд. II С. 36, 37; *Bushkovitch Paul. Peter The Great. P. 72–73.*

театральных новшеств стали чинить всякие препоны Андрею Савиновичу, благословившему театральные забавы царя: 24 июля 1674 г. думный дворянин А. С. Хитрово распорядился «с Кормового дворца на двор ему ничего не отпускать»*. В августе царь захворал, и спальник кн. И. Б. Троекуров, к которому царь «питал большое доверие», добился у государя запрещения А. С. Матвееву бывать при дворе**. Пожалования этого времени достались его врагам: окольничими стали: 18 августа стольник М. С. Пушкин***, а 29 августа племянник покойной царицы Марии Ильиничны — стольник кн. В. Д. Долгоруков****. Есть основания полагать, что они оба сочувствовали старой вере*****.

* ОПИГИМ. Ф. 440. Оп. I. № 369. Л. 62.

** *Bushkovitch Paul*. Peter The Great. P. 72–73.

*** РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 12. Л. 3 об. Дальнейшая карьера М. С. Пушкина указывает на его многолетнее сотрудничество с Милославскими. В годы всевластия И. М. Милославского М. С. Пушкин возглавил Челобитный приказ (1677 г.) и ездил за царем в походах «для займки станов» (1677–1678); при венчании царя Ивана в 1682 г. нес скипетр и держал яблоко; в начале периода регентства пожалован в бояре (25 августа 1682 г.); в походы ездил только за царем Иваном Алексеевичем. В 1697 г. был разжалован и сослан по делу И. Е. Цыклера (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 22. Л. 3 об.; № 41. Л. 2; Белгородский ст. Стб. 924. Л. 268; *Соловьев С. М.* История России. Кн. VII. С. 331, 334; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 221; ДР. Т. IV. Стб. 41, 42, 311, 321, 325, 331, 347, 419, 423, 469, 503, 505, 1064).

**** РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 12. Л. 3 об.

***** Староверческие боярские семьи отличало стремление заключать браки со своими единоверцами и воспитание детей в духе дониконовского обряда. М. С. Пушкин и его родной брат Яков приняли участие в заговоре И. Цыклера 1697 г.²³ вместе с упорными старообрядцами братьями Алексеем и Федором Соковниными. Матвей и Яков Степановичи Пушкины были сосланы Петром I, а сын Матвея — Федор обезглавлен за участие в этом заговоре. Казненный Федор Матвеевич Пушкин был женат на дочери Алексея Соковнина, а его дочь Елена была замужем за кн. П. Д. Щербатым, который первым браком был женат на дочери Федора Соковнина. Примечательно, что дочь Якова Степановича Пушкина — Ирина третьим браком была замужем за сыном казненного в 1697 г. И. Цыклера. Принадлежность Пушкиных к старой вере подтверждается и тем, что Ирина (Анастасия) Федоровна Пушкина была женой боярина кн. И. А. Хованского Тараруя, известного старообрядца. Мария Васильевна Пушкина в 1673 г. вышла замуж за кн. В. Д. Долгорукова (*Веселовский С. В.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 187–197, 213–218). Эти факты позволяют видеть в пожаловании окольничества М. С. Пушкину и кн. В. Д. Долгорукову усиление староверов при дворе накануне официального объявления Федора Алексеевича наследником, ведь крестная мать царевича, Ирина Михайловна, была известной староверкой и поклонницей Аввакума.

Пожалования в архиерейский сан в эти дни также отражают усиление людей, близких к Милославским. 23 августа 1674 г. епископом Вятским и Великопермским стал Иона, архимандрит Успенского Тихвинского монастыря — родовой усыпальницы кн. Прозоровских, где и Милославские были вкладчиками. Иона прослыл суровым владыкой: он неукоснительно требовал от прихожан регулярной исповеди, а уклоняющихся приказывал после кончины хоронить в лесу и закапывать в ямы без отпевания. Чин поставления Ионы содержал небывалое новшество, благословить которое был вправе лишь патриарх Иоаким. Епископ обязался не вступать в общение «с латины, и с люторы, и с калвины, и со иными еретики, аще случится кому таковых приити в царствующий град Москву», а также не оставить ни единого инославного в своей епархии*. В дни, когда царь приглашал иноверцев в свои хоромы, Иоаким был готов изгнать их из страны.

1 сентября 1674 г., в день «объявления» Федора Алексеевича, его дядька — думный дворянин И. Б. Хитрово удостоился чина окольничего. 6 сентября в спальники пожалован еще один сын боярина кн. А. А. Голицына — Яков**. Наконец, 8 сентября царь поручил своему спальнику кн. И. Б. Троекурову возглавить Монастырский приказ с правом личного доклада царю и правом самостоятельно распоряжаться от имени государя***. В этот же день «ближний боярин» кн. Ю. А. Долгоруков был «у руки» царя и царевича Федора, а также на благословении у патриарха перед отправлением командовать войсками в походе на татар****. Однако удаление этого влиятельного боярина из Москвы не состоялось, и он остался при дворе.

Дальнейший ход придворного противостояния нашел отражение в разрядной книге 1674/75 г., уникальной по своим особенностям. К. В. Петров, посвятивший этому источнику специальное исследование, справедливо полагает, что по существу эта книга уже не вполне разрядная. Исследователь выделяет несколько принципиальных отличий ее от сложившейся традиции: большая подробность, причем за счет сведений, не имевших местнического характера (некоторые

* Словарь книжников и книжности. Вып. 3. Ч. 2. 87; Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 18, 284.

** РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 12. Л. 8 об.

*** «Обо всем докладывать себя, великого государя, и имя писать свое» (ДР. Т. III. Стб. 1009).

**** Полковые товарищи кн. Ю. А. Долгорукова — окольничие кн. В. Д. Долгоруков, кн. К. О. Щербатов, кн. Г. А. Козловский были «у руки» еще 1 сентября, а из Москвы пошли 6 сентября (РГАДА. Ф. 135. Приложение. Раздел III. № 50).

местнические споры вообще здесь не зафиксированы); беспрецедентно детальное освещение жизни двора. По признанию К. В. Петрова, ему не удалось «установить закономерности, принципы, лежащие в основе выборки» сведений этой книги*.

Анализ этого источника в контексте политической и придворной истории открывает новые возможности его изучения. Особенности разрядной книги 1674/75 г. связаны с положением А. С. Матвеева и его ролью при дворе. Детальное описание в ней придворных церемоний связано с тем, что А. С. Матвеев насаждал новый дворцовый церемониал. Составители этой книги также систематически фиксировали случаи подчинения воевод руководителю Посольского приказа А. С. Матвееву: посылку распоряжений, получение отписок и т. д.** В ней отмечены многочисленные случаи докладов Матвеева царю, болезнь «канцлера»***, записи о театральных представлениях, устроенных им для царя****.

Впервые в разрядную книгу 1674/75 г., наряду с местническими случаями, служебными назначениями и другими главными придворными событиями, стали записывать факты преступлений, совершенных дворовыми людьми столичной знати. Обвинения в злоупотреблениях и преступлениях служилого человека и его родственников были излюбленными аргументами местнической брани. Когда кто-то хотел обвинить своих противников в утрате служилой чести, то называл их «неслугами». Преступления дворовых людей не могли иметь того же значения, но по средневековым понятиям

* Петров К. В. Разрядная книга 7183 (1674–1675) г. // ВИД. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 183, 185, 186, 189 и др.

** Новые принципы составления разрядных записей с очевидной тенденцией возвеличить руководителя Посольского приказа и фактического главу правительства не могли иметь, строго говоря, местнического значения. Посылка служилого человека из какого-то приказа никогда не рассматривалась с точки зрения местнического старшинства. Однако кроме формальных местнических принципов была еще и местническая психология, и с этой точки зрения здесь была почва для местнического столкновения, особенно, если такие назначения были специально отмечены в разрядных записях. Именно такие местнические представления послужили причиной челобитной «о местах» 1677 г. стольника кн. Ф. Ф. Хилкова, назначенного объезжим головой в Кремле, на главу Стрелецкого приказа боярина кн. Ю. А. Долгорукова, которому подчинялись объезжие головы. Боярская дума вынесла логичное решение, что здесь нет местничества, но сам факт челобитной кн. Ф. Ф. Хилкова свидетельствует о том, что с точки зрения местнической психологии дело обстояло иначе (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 532. Столник 5. Л. 122–131).

*** ДР. Т. III. Стб. 1236–1237.

**** Там же. Стб. 1131–1132, 1224.

также бросали тень на хозяина, который нес если не всегда судебную и материальную, то неизменно моральную ответственность за своих слуг*. Составители разрядных записей систематически отмечали новые обстоятельства дворцовой жизни, досадные для знати.

Изменение характера разрядных записей произошло в 1674–1675 гг., когда позиции А. С. Матвеева при дворе и в приказах заметно усилились. Перед нами, следовательно, подробное отражение того, как А. С. Матвеев теснил и унижал своих противников при дворе.

8 октября 1674 г. царь пожаловал А. С. Матвееву боярство. Вопреки традиции «канцлер» не явился для благословения к патриарху по случаю получения боярского чина, и патриарх сам послал Матвееву «на двор во благословение» — образ, а сверх того подарки: серебряный кубок, сукна и меха**.

Вечером 21 октября царь вернулся в Москву из Коломенского и до утра пировал «в новых маленьких хоромцах» вместе со своими ближними боярами: кн. И. А. Воротынским, кн. А. А. Голицыным, кн. Ю. А. Долгоруковым, кн. Г. С. Куракиным, кн. И. Б. Репниным, кн. М. Ю. Долгоруковым, А. С. Матвеевым, думными дьяками Г. С. Дохтуровым и Л. И. Ивановым; за поставцом сидел Б. М. Хитрово. Необычайность пиршества придавала потеха: «Играл в органы Немчин, и в сурну, и в грубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били ж во все». В этой царской потехе принимал участие царский духовник Андрей Савинович. Царь потчевал своих приближенных «вотками, ренским, и романею, и всякими питии, и пожаловал их своею государевою милостию: напоил их всех пьяных». Бояре разъехались по домам под утро***. Эта светская забава в ночь перед праздником Казанской иконы Божьей матери

* В разрядах было записано о поимке 1 декабря 1674 г. людей боярина кн. Ю. И. Ромодановского, уличенных в двадцати убийствах. В 1675 г. были казнены за неизвестную вину два портных мастера подмосковной вотчины боярина кн. Я. Н. Одоевского. 13 апреля того же года взяты «в буйственных делах» пять людей окольного Р. М. Стрешнева, стольников кн. И. А. Голицына и кн. С. И. Татеева «в том, что чинится у них на Дмитровской улице убийство великое и дурное всякое, и всяким людям от их воровства нет ни проходу, ни проезду в день вечернею порою»; трос «побитых и мертвых ограбленных людей» были в качестве улики обнаружены на дворе Р. М. Стрешнева. В этот же день пытали человека боярина кн. И. П. Пронского в подговоре на убийство (ДР. Т. III. Стб. 1118–1120, 1301, 1337–1339, 1346–1347).

** РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 14 об., 75 об., 88 об.

*** ДР. Т. III. Стб. 1076–1078, 1080–1081; Белокуров С. А. Дневальные записки. С. 313.

с участием царского духовника была нарушением норм благочестивого поведения. Еще необычнее появление подробной записи о ней в Дворцовых разрядах. Но инициатор этой «немецкой» потехи А. С. Матвеев не считал состоявшееся пиршество зазорным, почему оно даже с некоторым умилением описано в Дворцовых разрядах.

Патриарх Иоаким не оставил такое поведение без внимания и решил вмешаться. Он не смел осудить самого государя и обрушил свой гнев на подвластного ему Андрея Савиновича. 25 октября царь уехал из Москвы в Преображенское*, а 9 ноября патриарх посадил оставшегося в столице царского духовника «на цепь». Тот послал своего сына И. А. Постникова к царю с просьбой приехать в столицу и «из смирения его свободить». На следующее утро Алексей Михайлович отправился в Москву. Любопытно, что в царской карете сидел недруг А. С. Матвеева боярин кн. А. А. Голицын. В царской Комнате в присутствии трех самых ближних бояр, кн. Ю. А. Долгорукова, Б. М. Хитрово и А. С. Матвеева, государь умолял патриарха простить его духовника, но Иоаким решительно отказался, и на следующий день Алексей Михайлович снова уехал в Преображенское. Все, что царь смог сделать для своего духовника, это поручить боярину кн. Г. С. Куракину, который был оставлен «ведать Москву», поставить стрелецкий караул у дверей Андрея Савиновича «для береженья и присылки от святейшаго патриарха <...> и не велено пущать к нему протопопу никого до указу»**. История с церковным запрещением Андрея Савиновича показывает, насколько царь считал себя связанным традицией. Видимо, Алексей Михайлович сознавал непристойность устроенной им по совету А. С. Матвеева «немецкой» потехи.

18 ноября в Преображенском было у царя «сиденье с бояры о всяких делех». После совета с боярами царь склонился, по крайней мере внешне, к компромиссу. В тот же день под предлогом недомогания на место кн. Г. С. Куракина «ведать Москву» был назначен кн. А. А. Голицын***. Его кандидатура была более приемлема для

* При отъезде царя из Москвы его сопровождали почти сплошь враги А. С. Матвеева: бояре кн. Ф. Ф. Куракин, кн. А. А. Голицын, И. Б. Милославский, окольничие кн. К. О. Щербатов, кн. В. Д. Долгоруков, И. Б. Хитрово, думный дьяк Д. М. Башмаков (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 481. Столпик 2. Л. 185–189).

** ДР. Т. III. Стб. 1104, 1108, 1109, 1111, 1116.

*** В заседании участвовали бояре: кн. Ю. А. Долгоруков, кн. И. А. Воротынский, кн. А. А. Голицын, кн. И. Б. Репнин, Б. М. Хитрово, К. П. Нарышкин, кн. М. Ю. Долгоруков, И. Б. Милославский, А. С. Матвеев, окольничий кн. В. Д. Долгоруков, думные дьяки Д. М. Башмаков, Л. И. Иванов и дьяк Тайного приказа Д. Л. Полянский (ДР. Т. III. Стб. 1109).

патриарха, поскольку боярин кн. Алексей Андреевич и его сыновья проявляли уважение к главе церкви и из года в год ходили к нему на благословение, чего Г. С. Куракин не делал*. Вместе с тем это назначение кн. А. А. Голицына, одного из самых активных врагов А. С. Матвеева, показывает, что авторитет «канцлера» был подорван.

Как раз в это время А. С. Матвеев ополчился на родственника кн. А. А. Голицына — кн. А. И. Хилкова**. 24 октября 1674 г. царь пожаловал А. С. Матвееву 500 четв. земли в Рязанском уезде, которыми стольники А. И. Хилков и И. Г. Вердеревский владели сверх своих пожалований. Запись об этом эпизоде была внесена в Дворцовые разряды на поругание противников А. С. Матвеева***.

Кн. А. А. Голицын немедленно использовал свое назначение вести Москву в отсутствие государя и начал интригу против тех, кто поддерживал А. С. Матвеева в Думе. 1 декабря он арестовал людей боярина кн. Ю. И. Ромодановского (сам боярин был в это время на воеводстве в Казани), обвиненных в убийстве старосты серебряного ряда****. Соперничество между сторонниками А. С. Матвеева и его противниками шло и в ближайшем царском окружении. 8 декабря стольник кн. Я. В. Хилков удостоился исключительно высокой для него милости быть вторым царским возницей, но уже 13 декабря его сменил спальник И. К. Нарышкин*****.

Наконец, сам государь продемонстрировал свою волю, решительно взяв сторону А. С. Матвеева: Алексей Михайлович объявил о высылке недругов своего любимца из Москвы на далекие воеводства. 18 декабря стольник кн. С. Ф. Львов получил назначение ехать на воеводство в Новгород6*. 20 декабря того же года был объявлен царский указ

* Боярин кн. А. А. Голицын благословлялся у патриарха на свои именины 11 февраля в 1669, 1675 гг.; его сыновья Борис на именины 24 июля в 1675 г. и Яков на именины 5 октября 1675 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 26, 52; Материалы для истории. Стб. 990, 994).

** Кн. А. А. Голицын был женат на Ирине Федоровне, родной сестре стольника царевича Федора Алексеевича кн. Ф. Ф. Хилкова и двоюродной племяннице кн. Андрея Ивановича Хилкова (*Долгоруков П.* Российская родословная книга. 4. I. С. 251). У последнего и отнял примеренную землю А. С. Матвеев, о чем шла речь выше.

*** РГАДА. Ф. 233. Оп. 2. № 682. Л. 13 об.; ДР. Т. III. Стб. 1080. Преследование И. Г. Вердеревского со стороны А. С. Матвеева могло быть вызвано тем, что его сестра Анна была невестой Алексея Михайловича в 1669–1670 гг. и, следовательно, соперницей Натальи Кирилловны (*Пекарский И. П.* Список девиц. С. 469).

**** ДР. Т. III. Стб. 1118–1120.

***** Там же. Стб. 1130, 1135.

6* Там же. Стб. 1140.

о высылке из Москвы боярина кн. Алексея Андреевича Голицына воеводою в Киев, окольничего И. Б. Милославского — воеводою в Казань (а ехать «на весну» 1675 г.)^{*}, стольника кн. М. А. Черкасского — воеводою в Новгород. Эти назначения «сказывал им» А. С. Матвеев, за исключением И. Б. Милославского, которому царскую волю объявил думный дьяк Г. К. Караулов. Всем троем предстояло спешно покинуть Москву: «...быть готовым к руке²⁴ и совсем» уже 25 декабря^{**}.

И. Б. Милославский обладал незаурядными способностями. Еще в начале 1670-х гг. современник-поляк выделил его, тогда еще окольничего, среди придворных: «Хотя по ограниченному своему влиянию, он мало еще может во вред других употреблять хитрость свою, сопряженную с обширными познаниями, но если б счастье благоприятствовало ему к достижению высших степеней, то, я думаю, что едва ли кто-нибудь был бы опаснее для всех тех, коих прелесть почестей привлекает ко Двору»^{***}.

Этот отзыв современника подтверждается исключительным доверием царя к И. Б. Милославскому, который возглавлял ключевой при дворе Челобитный приказ. Отъезд его в Казань был сначала отложен «на весну»^{****}, а потом и еще на более поздний срок. В последний год царствования Алексея Михайловича И. Б. Милославский продолжал играть заметную роль при дворе, царь поручал ему вести дела особой важности^{*****}. Однако и сам И. Б. Милославский был вскоре опорочен перед государем. 23 марта 1675 г. его стряпчему — доверенному лицу боярина отсекли руку на Красной площади за подделку документов^{6*}. Это дело бросало тень на самого господина и было записано в Дворцовых разрядах.

* 26 декабря товарищем И. Б. Милославского был назначен думный дьяк Г. К. Караулов (*Барсуков* А. Списки. С. И; ДР. Т. III. Стб. 1144, 1157, 1636; РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 485. Л. 153).

** ДР. Т. III. Стб. 1144.

*** Характеры вельмож. Ч. 18. С. 109.

**** 20 апреля 1675 г. царь указал дьяку Ф. Ермолаеву «сбираться по прежнему в Казань» с И. Б. Милославским (ДР. Т. III. Стб. 1350).

***** В 1675 г. А. Иевлев оскорбил чиновного стольника кн. В. В. Голицына и его деда. Дело слушал царь «с бояры», а думский приговор А. Иевлеву объявил боярин И. Б. Милославский. В том же году был подан извет о «еретических книгах», хранившихся у полковника выборного столичного полка Г. Косагова. Дело было передано на суд патриарха, но светскую часть расследования царь доверил опять же И. Б. Милославскому. 26 апреля он докладывал царю и Думе дело о злоупотреблениях думного дворянина А. С. Хитрово, порученное И. Б. Милославскому по особому царскому указу (ДР. Т. III. Стб. 1185–1186, 1281–1282, 1288–1289, 1355).

6* Там же. Стб. 1293–1294.

Второй и последний представитель рода Милославских в Думе — окольничий Иван Михайлович также должен был покинуть Москву: его прочили на воеводство в Астрахань. В товарищи к нему назначили стольника Л. С. Милославского и Ю. Г. Огарева по прозвищу Постник*. Так семья Милославских была едва не поголовно намечена к высылке из Москвы. Три года спустя опальный А. С. Матвеев, умоляя И. М. Милославского об облегчении своей участи ссыльного, оправдывался, что не он был причиной его удаления в Астрахань**. Очевидно, у последнего были основания считать иначе.

Патриарх по-особому почтил направленных в Астрахань, где находились важные промыслы патриаршего хозяйства: 13 апреля 1675 г. вслед И. М. Милославскому он послал «в подношение» икону. 6 мая Юрий (Постник) Огарев сам побывал у патриарха перед отъездом на воеводство***. В семье Милославских чтили обычай и систематически ходили к патриарху на благословение****.

Другой опальный боярин — кн. А. А. Голицын, назначенный воеводой в Киев, открыто выразил недовольство новым назначением. Он принадлежал к давним комнатным людям царя, находясь при государе «с самого малолетства». Служба обоих сыновей князя при царице Федоре естественным образом противопоставляла эту семью Нарышкиным и А. С. Матвееву. Имя

* Впервые царский указ об этом назначении И. М. Милославского был объявлен еще 2 февраля 1674 г. Тогда дело замешкалось, кажется, из-за второго воеводы В. Л. Пушечникова (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 440. Л. 501). Одновременно с назначением И. Б. Милославского в Казань для него подыскали нового товарища — стольника В. С. Нарбекова, который находился в тот момент в своей ржевской деревне. 24 декабря 1674 г. стольнику был послан царский указ ехать «к Москве, не мешкая» (Там же. Стб. 485. Л. 809–810). По прибытии В. С. Нарбекова в Москву 7 января 1675 г. во дворце был объявлен указ о назначении его и И. М. Милославского воеводами в Астрахань. «У сказки» В. С. Нарбеков отговаривался «своею бедностию и недостатки, и недружбою старю» с И. М. Милославским (ДР. Т. III. Стб. 1172), что опять на время оттянуло высылку последнего из Москвы. Наконец, 3 марта товарищем И. М. Милославского был назначен стольник Л. С. Милославский (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 485. Л. 153), который уже не мог отговориться недружбой. 4 марта в товарищи И. М. Милославскому был назначен еще один воевода — Ю. Г. Огарев (ДР. Т. III. Стб. 1265). Сразу после прихода Милославских к власти в 1682 г. В. Л. Пушечников и Ю. Г. Огарев получили думные чины. Видимо, они были близки к Милославским и в конце царствования Алексея Михайловича.

** История о невинном заточении. С. 361.

*** РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 36 об., 40 об.

**** См. наст. изд., с. 49.

кн. А. А. Голицына было замешано в деле о подметных письмах 1670 г., что позволяет подозревать его участие в интриге против А. С. Матвеева. Впрочем, никаких прямых улик следствие не обнаружило. В 1674 г. кн. А. А. Голицын попал в число отсылаемых из Москвы. Буквально накануне, 4 сентября 1674 г., он был пожалован в ближние бояре*, и 20 декабря кн. А. А. Голицын не стал скрывать своего недовольства внезапной опалой: ближних бояр обычно не отсылали из столицы. У «сказки» он заявил, что уже был воеводою в Казани, «и будет какая его вина перед ним великим государем есть, и вместо опалы указал его великий государь послать и на смерть, и великий бы государь велел ему сказать его вину и чтоб его великаго государя указ и его вина всем ведома». Заявление ближнего боярина, обращенное не только к царю, но и ко всему двору в поисках справедливости, было последним шансом кн. А. А. Голицына. Но он просчитался. Его дерзкие слова А. С. Матвеев доложил царю, и в результате Алексей Михайлович «гнев свой и опалу положил» на князя и его детей — Бориса и Якова Голицыных. Всем троим было запрещено съезжать с двора и являться во дворец. В тот же день было объявлено о смещении кн. А. А. Голицына с поста главы Владимирского судного приказа, где судились все придворные от боярина до жильца**. Опала была снята с кн. Голицыных на Рождество 25 декабря 1674 г.*** Впрочем, царь все же по-особому отнесся к князю: ему было позволено выехать из Москвы несколько позже****.

* ДР. Т. III. Стб. 1003.

** 20 декабря 1674 г. Владимирский судный приказ возглавил спальник М. И. Морозов, женатый на дочери боярина кн. С. В. Прозоровского (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи. С. 176; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Т. 1. С. 399). Таким образом, поставить своего человека на этот важный придворный пост А. С. Матвеев не сумел.

*** ДР. Т. III. Стб. 1144–1145, 1153, 1155.

**** 30 декабря А. С. Матвеев объявил ему царскую волю: быть «у руки» 6 января 1675 г., но отпуск состоялся только 24 февраля, причем кн. А. А. Голицын осмелился просить царя о возвращении в Москву своего брата стольника кн. М. А. Голицына, находившегося на воеводстве в Смоленске. 25 февраля кн. А. А. Голицын и его товарищ окольник М. С. Пушкин ходили к патриарху «ко благословению итти на службу» и 28 февраля выехали из Москвы. В Киеве кн. А. А. Голицын сохранял звание ближнего боярина. 13 мая 1675 г. из Москвы в Киев выслали и троюродного брата жены кн. А. А. Голицына — стольника кн. Я. В. Хилкова. Что касается кн. М. А. Голицына, то царь не только не вернул его в Москву, но в июле послал к нему в Смоленск «с выговором» за нерадение (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб 485. Л. 148; Стб. 509. Л. И; Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 28 об.; ДР. Т. III. Стб. 1163, 1165, 1171, 1224, 1227, 1244, 1246, 1249–1250, 1385, 1521, 1523, 1566).

Так же, как и кн. А. А. Голицын, стольник кн. М. А. Черкасский явно затягивал свой отъезд в Новгород. Царские указы, следуя один за другим, торопили его. 26 декабря новгородскому воеводе боярину П. В. Шереметеву повелели «быть к Москве тотчас и не дожидаячись себе на перемену» кн. М. А. Черкасского*. Через два дня А. С. Матвеев нарочно прислал подьячего «на двор» кн. М. А. Черкасского с приказом «ехать в Великий Новгород тотчас не мешкав, кончае генваря в 1 де». Однако кн. М. А. Черкасский медлил: 2 января он, как и другие опальные, ходил к патриарху «ко благословению ехать» и лишь затем отбыл к месту службы. Из Новгорода кн. М. А. Черкасский обратился с просьбой брать там «всякого питья» из казны — милость, которой он пользовался в Москве. Царский отказ на эту просьбу снова стал следствием доклада А. С. Матвеева. Кн. М. А. Черкасский вынужден был выехать из столицы, не дождавшись царского распоряжения о присвоении ему почетного наместнического титула, который полагался воеводам порубежных городов для использования в дипломатической переписке. Отписку кн. М. А. Черкасского об этом докладывал царю опять же А. С. Матвеев, и государь «велел себя доложить <...> иным временем»**. Поведение кн. М. А. Черкасского в Новгороде также наводит на мысль, что он оценивал свое назначение как опалу***.

Тесть кн. М. А. Черкасского окольный кн. Д. С. Велико-Гагин, находившийся на воеводстве в Киеве, бил челом о возвращении его в Москву по болезни. А. С. Матвеев придирчиво выяснял,

* При записи этой грамоты в Печатном приказе 28 декабря была сделана особая помета о невзимании с нес пошлин, потому что А. С. Матвеев «сказал» об этом царский указ (РГАДА. Ф. 233. № 682. Л. 36). Как и в других случаях, высылкой опальных из Москвы руководил А. С. Матвеев.

** ДР. Т. III. Стб. 1162–1163, 1206–1207, 1215, 1292–1293; РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. № 85. Л. 18 об.

*** Воевода почти не занимался делами и панически боялся допустить малейшую небрежность в написании царского титула, поскольку вся документация из Новгорода в столицу шла через подчиненный А. С. Матвееву Новгородский приказ. В 1676 г. стряпчий Иверского монастыря в Новгороде так охарактеризовал князя М. А. Черкасского как воеводу: «...человек **строноткой**, нежели в отписке к государю, но и челобитную хто подаст, да толки в государском титле какое слово чернилами позаплывет, станет толсто, **тос** и челобитную отдать велит назад, а челобитчика смеряет словами, а иное батогами бьет»; «столник в приказную полату нечасто въезжает, а когда и въедет, и он, челобитный выслушав, да войдет в думную и не велит пустить никакова человека, толки о каком деле доложит подьячей и послушает, и то добро будет, не доложит — и то дело так стало» (Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. № 2517. Л. 21, 29).

действительно ли родственник его недруга болен, и только после этого царь «с бояры» постановили вернуть его в столицу*.

А. С. Матвеев нагнал страх на неугодных ему думцев. Думный дворянин С. И. Заборовский, посланный в Белгород и другие города для разбора служилых людей, в самом конце 1674 г. без царского указа приехал в Москву и жил «неделю у себя на дворе». Едва А. С. Матвеев узнал об этом самовольном поступке, он послал на двор С. И. Заборовского дьяка, который допросил ослушника и «при себе», т. е. немедленно, выслал его из столицы к месту службы**.

В конце 1674 г. стольник А. И. Чириков бил челом о возвращении в Москву своего родного брата стольника И. И. Чирикова, служившего в Киеве вторым воеводой: тот будто бы не мог исполнять свои обязанности по возрасту. Очередная попытка вернуться в Москву по состоянию здоровья была с подозрением воспринята А. С. Матвеевым. В феврале 1675 г. И. И. Чириков приехал в столицу и был осмотрен по приказу А. С. Матвеева: «...давно ли ему та болезнь учинилась, и от чего и прежде сего была ли, и с которого числа ему та болезнь учинилась». И. И. Чириков заявил, что болеет «с полгода, а болезнь у него Ильи, что приходит на него забыть, и от той забытьи во всем острамел и одряхлел». Объяснения И. И. Чирикова были признаны не слишком убедительными, и ему было запрещено съезжать со двора (обычный род опалы) до приезда в Москву старшего киевского воеводы боярина кн. Ю. П. Трубецкого, вероятно, до полного выяснения дела***.

Еще одним пострадавшим в это время был думный дворянин Иван Савостьянович Хитрово Большой — полковой воевода на Дону. В 1674 г. на него поступил донос о злоупотреблениях, который был доложен А. С. Матвеевым царю. В результате И. С. Хитрово сослали на Коротояк с запрещением приезжать в Москву без царского указа****.

Итак, целый ряд лиц сразу после пожалования А. С. Матвееву боярства удалили из Москвы при его непосредственном участии и подвергли царской опале. Опальные искали способы остаться, и некоторые посмели самовольно вернуться в столицу с далекой

* Кн. Д. С. Велико-Гагин действительно был болен. Еще в сентябре 1672 г. его выслали в Преображенское с оговоркой: «...буде болезни сеть легче». В Киеве его разбил паралич, а по возвращении в Москву он даже не смог явиться во дворец и умер 14 августа 1675 г. (Кашкин Н. Н. Родословные разведки. Т. 1. С. 4; РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 465. Л. 349).

** ДР. Т. III. Стб. 1124.

*** Там же. Стб. 1247–1248.

**** Там же. Стб. 1098–1099, 1129–1130. Ср. стб. 1185–1186.

службы, но получили опять же через А. С. Матвеева изъявление царского недовольства. Удаленные из Москвы думцы искали поддержки у патриарха, но глава церкви, оказывая им лишь моральную поддержку, не смел перечить царским указам.

Почему А. С. Матвеев добивался удаления из Москвы именно этих людей? Ответ на данный вопрос находим в документах московского Знаменского монастыря, что на Варварке, который был тесно связан с родом Романовых: в конце XVI в. на этом месте находилось подворье бояр Романовых, здесь родился Михаил Федорович — первый царь новой династии. В 1629–1631 гг. в честь рождения Алексея Михайловича на этом месте был основан Знаменский монастырь. При царе Алексее обитель перешла под патронаж его родственников Милославских, здесь была их усыпальница. И. Б. и И. М. Милославские стали наиболее значимыми вкладчиками Знаменского монастыря. Они систематически делали вклады на строительство и по усопшим родственникам, в том числе и очень крупные. В 1674 г. И. М. Милославский на свои средства начал крупное каменное строительство в монастыре, прерванное удалением его на воеводство в Астрахань*.

Из года в год Знаменские монахи почитали своих покровителей тем, что на следующий день после монастырского праздника 27 ноября носили иконы на дворы бояр Б. М. Хитрово, И. М. Милославского, окольничих М. Б. Милославского, А. С. Хитрово, И. С. Хитрово, думных дворян С. И. Заборовского и П. К. Елизарова, думных дьяков Ф. Михайлова, В. Семенова. В декабре 1675 г. монахи поднесли образ еще одному вкладчику — человеку дьяка И. С. Горохова**;

* 26 мая 1674 г. И. М. Милославский продал в приказ Тайных дел подмосковную вотчину Ф. Я. и Г. Я. Милославских, выполняя их духовную; 7000 руб. из вырученной суммы были даны И. М. Милославским на строительство каменной церкви в Знаменском монастыре (РГАДА. Ф. 233. № 681. Л. 234).

** При незначительных изменениях круг монастырских вкладчиков был весьма устойчив. В 1672 г. иконы поднесли боярам Б. М. Хитрово, И. Б. Милославскому, К. П. Нарышкину (единственный случай), окольничему И. М. Милославскому, думным дворянам А. С. Хитрово, И. И. Ржевскому (в том году был главой Земского приказа), С. И. Заборовскому; в 1673 г. — боярам Б. М. Хитрово, И. Б. Милославскому, окольничему И. М. Милославскому, думному дворянину С. И. Заборовскому, стольнику А. С. Хитрово, дворцовому думному дьяку Ф. Михайлову; в 1674 г. — Б. М. Хитрово, И. Б. Милославскому, А. С. Хитрово, дьякам думному Ф. Михайлову и рядному В. Семенову; в 1675 г. — Б. М. Хитрово, И. Б. Милославскому, И. М. Милославскому, А. С. Хитрово, И. С. Хитрово, С. И. Заборовскому, П. К. Елизарову, думному дьяку В. Г. Семенову (РГАДА. Ф. 1191. Оп. 1. № 66. Л. 55–55 об.; № 67. Л. 41–41 об.; № 68. Л. 41 об.; № 74. Л. 41 об. — 42).

сам дьяк был сослан А. С. Матвеевым в Сибирь за тайную переписку с донскими казаками*. Знаменские монахи особенно привечали С. И. Заборовского, возможно, потому, что он возглавлял Монастырский приказ**. Содействие монастырю оказывал судья Каменного приказа стольник И. Б. Камынин***.

Таким образом, клан Милославских основывался не только на родственных связях. К нему примыкали и вкладчики их родового монастыря. Близость думного дворянина Прокофия Кузмича Елизарова к Милославским косвенно подтверждается тем, что стряпчий И. Б. Милославского, уличенный в 1675 г. в подделке документов, был наказан вместе с двумя подьячими Земского приказа, которым долгое время (1657–1672) руководил П. К. Елизаров, а затем его родной брат А. К. Елизаров (1674–1676). Подьячих обвинили в том, что они «ведали и начальным людям не известили о подлоге», т. е. руководители приказа, так же как и сам И. Б. Милославский, сумели доказать свою непричастность к преступлению, свалив всю вину на слугу и подчиненных. Обстоятельства дела наводят на мысль, что за преступлением мелких исполнителей стояли их господин и начальник. Они были вкладчиками одного монастыря и устраивали свои дела в Земском приказе.

Отношения Милославских с Чириковыми были иного рода. Впрочем, они также носили многолетний, устойчивый характер****.

* «В переписке с Донскими казаками он, Горохов, в розыске был и по тому своему воровству пытан, и после того розыску за то свое воровство сослан был в ссылку» (История о невинном заточении. тС. 392). В марте 1674 г. И. С. Горохов был уже в ссылке в Тобольске (РГАДА. Ф. 233. № 681. Л. 199 об. — 300).

** 3 февраля 1673 г. Знаменский монастырь даже почтил С. И. Заборовского образом «на именины сво» — случай исключительный в монастырской документации. На монастырский праздник 27 ноября С. И. Заборовскому готовили икону и в том случае, если его не было в столице: в 1674 г. против его имени в списке сделана помета «не дано для того, что он в то время на Москве не был» (РГАДА. Ф. 1191. Оп. 1. № 67. Л. 41 об.; № 68. Л. 41 об.) Внимание Знаменских монахов к С. И. Заборовскому могло объясняться и тем, что он жил совсем рядом — в Посольском переулке (Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе. М., 1866. С. 49).

*** В декабре 1673 г. он получил от Знаменского монастыря образ за то, что «о строеньи монастырских полат доложил великого государя» (РГАДА. Ф. 1191. Оп. I. № 66. Л. 56 об.; № 67. Л. 41 об.).

**** В 1666/67 г. эти две семьи были разжалованы из стольников «за вину»: И. Б. и М. Б. Милославские, И. И. и А. И. Чириковы, а последние даже сосланы (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 1140. Столпик 1. Л. 29, 75).

В 1675 г., уезжая на воеводство в Астрахань, И. М. Милославский приказал ведать свой «двор и всякие дела» стольнику А. И. Чирикову* — убедительное свидетельство исключительного доверия. В челобитной 1678/79 г. А. С. Матвеев назвал А. И. Чирикова «братом» И. М. Милославского**.

Итак, высланные из Москвы в 1674–1675 гг. или стремившиеся вопреки стараниям А. С. Матвеева вернуться в столицу принадлежали к клану Милославских, в основе которого были родственные узы и отношения через общий Знаменский монастырь.

Среди высланных в 1674–1675 гг. из Москвы придворных только одна семья не имела отношения к родовому монастырю Милославских — боярина Ивана Андреевича Хованского Тараруя. Главу семьи сначала прочили полковым воеводой в Новгород, но 2 февраля 1674 г. назначили вместе с сыном Андреем на Дон. За день до указа И. М. Милославскому ехать в Астрахань, 9 марта 1674 г., кн. И. А. Хованский получил новый указ: возглавить в Невеле Новгородский полк. В Невеле и Великих Луках кн. И. А. Хованский находился вместе с сыном Андреем до воцарения Федора Алексеевича***. Другого сына боярина Тараруя — Петра отправили воеводой на Дон****, куда сначала прочили его отца. В своих письмах домой П. И. Хованский настойчиво просил жену хлопотать перед Ю. А. Долгоруковым, А. С. Матвеевым и патриархом об отзыве его с этой тяжелой службы. Однако хлопоты близких были безрезультатны.

Официальные отписки кн. П. И. Хованского докладывал царю А. С. Матвеев, и воеводе давали одно поручение за другим. Получив очередное назначение, кн. П. И. Хованский опасался, что его просьба об отзыве в столицу будет расценена как отказ от службы, и в новой ситуации умолял жену не бить челом «государю и бояром о перемене <...>. Господи ради, не отсеки мне головы, **теперьво** понорови сама не бей челом». В августе 1675 г. П. И. Хованского послали на еще более опасную службу: идти

* Об этом сообщил старец Антониево-Сийского монастыря в письме из Москвы (РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. № 182. Л. 31 об.).

** История о невинном заточении. С. 361.

*** ДР. Т. III. Стб. 898, 926, 1444–1445, 1477, 1547, 1605; РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 440. Л. 501, 502.

**** ДР. Т. III. Стб. 1503, 1508. В 1671/72 г. кн. А. И. Хованский был незаслуженно обижен: его послали воеводой в далекие Терки, при этом думный дьяк С. Титов, «мстя прежнюю недружбу», верстал его «малым окладом». Несправедливость была исправлена только в 1677 г. (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 522. Л. 894–894 об.).

походом в Запорожскую сечь, а оттуда в Крым. «А есть ли что надо мною, что в воле Божие и учинится, — и у меня останется после меня князь Андрей, — писал П. И. Хованский жене, — так вечная слава будет, что я был в Крыме, а то нихто не бывал в Крыме от начала свету <...> без року смерти не бывает», — успокаивал он домашних*. Брат Тараруя стольник кн. Семен Андреевич также был направлен из столицы в Чернигов**. Семья Ивана Андреевича Тараруя в полной мере разделила участь других знатных родов, удаленных А. С. Матвеевым из Москвы***.

Вообще можно заметить, что в 1674–1675 гг. почти половина Думы, в особенности бояр и окольничих, которая не была связана с кланом Нарышкиных, подолгу находилась за пределами Москвы****. Никуда не отсылали только ближних бояр кн. Ю. А. и М. Ю. Долгоруковых, оружейничего Б. М. Хитрово, кн. Г. С. Куракина и дядьку царевича Федора кн. Ф. Ф. Куракина, кн. И. А. Воротынского, кн. Ю. Н. Барятинского и, разумеется, А. С. Матвеева и К. П. Нарышкина.

Однако вскоре А. С. Матвеев нашел повод расправиться с боярином кн. Ф. Ф. Куракиным, которого как дядьку царевича нельзя было выслать на воеводство или удалить из Москвы иным образом. 30 мая 1675 г., в день рождения Федора Алексеевича, кн. Ф. Ф. Куракин удостоился исключительной милости: во время

* Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского. С. 28–29, 30.

** Эта служба была сказана ему еще в 1672/73 г. Кн. С. А. Хованский вернулся в Москву только 8 июня 1675 г. (ДР. Т. III. Стб. 887, 1003, 1263, 1397, 1464).

*** В столице оставались только дети Ивана Никитича Хованского — стольники Петр Иванович Змей и Иван Иванович Большой; последний, видимо, по состоянию здоровья. В сентябре 1672 г. он не мог ехать в царской свите по болезни: «... в лице худ, сказал у себя болезнь животную и пловную». В июне 1675 г. он снова не ездил за государем «для того, что у него животная болезнь и грыжа» (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 465. Л. 363; Стб. 506. Л. 222).

**** В 1674 г. на посольский съезд к польской границе уехали бояре кн. Н. И. и Я. Н. Одоевские, с ними был и спальник кн. Ю. М. Одоевский; кн. Я. Н. Одоевский до этого был воеводой в Астрахани (1672–1674), где его сменил боярин И. М. Милославский; воеводами во Пскове был боярин кн. И. А. Хованский с сыном стольником Андреем (1674–1675), в Новгороде — бояре кн. И. П. Пронский (1671–1672) и П. В. Шереметев Большой (1672–1674), а затем кн. М. А. Черкасский; в Казани — бояре кн. А. А. Голицын (1670–1673), кн. Ю. И. Ромодановский (1673–1674), а затем И. Б. Милославский; в Киеве — бояре кн. Ю. П. Трубецкой (1672–1675), затем кн. А. А. Голицын; в Тобольске — бояре кн. И. Б. Репнин (1670–1673) и П. М. Салтыков (1674–1676); ближний боярин кн. Г. Г. Ромодановский почти все время находился с полком на юге и лишь зимой наезжал в Москву.

царского выезда в подмосковное село Воробьево он сидел в карете с царем и царевичем Федором. Такой почет доставался не каждому ближнему боярину. В этот же день на князя поступил донос о том, что он держит на своем дворе «ведомую вориху девку Фенку слепую и ворожею». Всякое подозрение в колдовстве, особенно если оно касалось царского дворца, становилось предметом напряженного следствия. Царь тут же повелел кн. Ф. Ф. Куракину ехать из Воробьева в Москву и не съезжать со двора.

Следствие было поручено комнатным боярам кн. Н. И. Одоевскому, А. С. Матвееву, думному дьяку Л. Иванову и дьяку приказа Тайных дел Д. Л. Полянскому. Непосредственные указания, как вести следствие и как пытаться «жестокою пыткой» людей кн. Ф. Ф. Куракина, царь дал А. С. Матвееву, игравшему в этом деле наиболее активную роль. Процесс быстро разрастался*. 2 июня в следственную комиссию были включены комнатные бояре кн. Ю. А. и М. Ю. Долгоруковы, Б. М. Хитрово, К. П. Нарышкин, а также комнатные окольничие и думные дворяне.

Слепая Фенка не выдержала страшных пыток и умерла. Царь распорядился дознаться у других людей кн. Ф. Ф. Куракина, кто еще из придворных пользовался услугами ворожей. Следствие вывело на спальника Н. И. Шереметева и его тестя стряпчего С. Г. Свинына**. Неизвестно, чем кончилось дело, но оно, несомненно, послужило дальнейшему падению недругов А. С. Матвеева.

Таким образом, утверждение П. Бушковича об отсутствии до самой кончины Алексея Михайловича серьезной оппозиции А. С. Матвееву и всякой борьбы придворных партий, в том числе и противостояния Милославских и Нарышкиных, представляется излишне категоричным.

Длинная череда придворных конфликтов 1671–1675 гг. привела, в конце концов, к усилению личной власти царя Алексея Михайловича. По существу правящий круг ближайших царских

* Недруги кн. Куракиных тут же подняли голову: 3 июня спальник А. С. Шеин подал челобитную на боярина кн. Г. С. Куракина и его сына спальника Ивана в том, что их приказчик смертным боем увечил крестьян А. С. Шеина. Царь повелел разобрать это дело доверенному спальнику кн. И. Б. Троекурову в Иноземском приказе (ДР. Т. III. Стб. 1431).

** Там же. Стб. 1426–1431, 1443–1444, 1452–1453. Проходившие по этому делу люди состояли в родстве со старовойсковой семьей Матвея и Якова Степановичей Пушкиных. Родная сестра М. С. и Я. С. Пушкиных Дарья (ум. в 1663 г.) была второй женой спальника Н. И. Шереметева; стольник И. Б. Пушкин был женат на дочери Ивана Полозова, сосланной по этому же делу (*Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. С. 213, 215).

советников остался без изменений*. Но царь сумел показать, что не потерпит открытого сопротивления своей воле. В этом и состоял результат внутривластного соперничества этих лет. Можно согласиться с Полем Бушковичем, что клановое соперничество при московском дворе по существу не было принципиальной политической борьбой различных партий в современном смысле слова. Нет данных о том, что кн. Ю. А. Долгоруков или Б. М. Хитрово отстаивали какой-то особый внешнеполитический курс в противовес А. С. Матвееву или имели принципиально иное системное видение внутривластных проблем. У них были свои предпочтения и пристрастия, скорее культурного, чем политического свойства.

В средневековой Руси борьба вокруг формирования политики была неотделима от межкланового соперничества, через которое политическая линия и пробивала себе дорогу, подчас очень извилистую. При таком положении дел колебания придворной конъюнктуры, личное и клановое соперничество, «конфликты по поводу юрисдикции и политического влияния» находились на поверхности типично средневековой практики управления. Это важное для понимания особенностей средневекового общества обстоятельство не отменяло ни борьбы за власть, ни работы высших органов управления и ее результатов — всего того, что, в конечном счете, и можно считать политикой в ту эпоху. Зависимость политики от личного и кланового факторов наглядно проявилась в ходе крупнейшего политического процесса конца царствования Алексея Михайловича — дела боярыни Морозовой.

* В последние месяцы царствования Алексея Михайловича звание ближних думцев сохраняли: бояре кн. Н. И. и Я. Н. Одоевские, кн. Ю. А. и М. Ю. Долгоруковы, кн. И. А. Воротынский, Б. М. Хитрово, К. П. Нарышкин, А. С. Матвеев, кн. Г. Г. Ромодановский (служил полковым воеводой на юге), кн. А. А. Голицын (на воеводстве в Киеве), окольные И. Ф. и Р. М. Стрешневы, И. Б. Хитрово, думный дворянин А. Н. Лопухин (ДР. Т. III. Стб. 1003, 1521, 1623–1624).